

3
22/05/11 В 14743
„Церковь и государство“

№ 4.

С. П. Мельгуновъ.

Старообрядцы и свобода совѣсти.

(О необходимости для старообрядцевъ отдѣленія
церкви отъ государства).

Историческій очеркъ.

Издание второе.

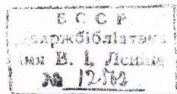
МОСКВА.
Типографія Т-ва „ЗАДРУГА“ Воздвиженка, Крестовоздвиженскій п., д. 9.
1917.

ОТЪ АВТОРА.

Этотъ историческій очеркъ былъ изданъ въ 1907 г. Какъ-то современнымъ его повторить въ тотъ моментъ—когда вопросъ о религиозной свободѣ впервые въ русской жизни получилъ прочное основаніе. Въ новой демократической Россіи не можетъ быть мѣста какимъ-либо преслѣдованіямъ за вѣрованія. Говорить объ этомъ нѣтъ надобности. Но на очереди стоитъ вопросъ, какъ гарантировать эту неприкосновенность религиозныхъ вѣрованій въ будущемъ. Наше глубокое убѣжденіе, что только отдѣленіе церкви отъ государства, уничтоженіе самой идеи господствующей церкви можетъ въ дѣйствительности обезпечить полную свободу совѣсти для всѣхъ инакомыслящихъ. Исторія хорошее подспорье для современниковъ. Настоящій краткій историческій очеркъ преслѣдованій старообрядцевъ при старомъ режимѣ имѣетъ цѣлью показать на фактахъ правильность вышеуказаннаго вывода.

Нашъ очеркъ переводается съ нѣкоторыми сокращеніями и необходимыми измѣненіями.

20 сентября 1917.

1. Первые годы и время Петра I.

Въ 1667 г. помѣстный соборъ духовенства господствующей церкви постановилъ подвергать „раскольниковъ“ не только церковному, но и гражданскому наказанію. И вотъ, потекли для старообрядцевъ долгіе годы самыхъ жестокихъ гоненій. Этими преслѣдованіями правительство хотѣло заставить старообрядцевъ отказаться отъ своихъ убѣжденій. Первые вожди старообрядчества подверглись ссылкѣ въ Сибирь и тюремнымъ заключеніямъ. Но и здѣсь они находили возможность сноситься со своими единомышленниками. Ученники и друзья ухитрились проникать въ далекій Путозерскъ, гдѣ были заключены первые старообрядческіе проповѣдники, и тамъ видѣться съ узниками. Несмотря на строжайшія запрещенія писать изъ заключенія, они обращались съ безчисленными посланіями къ своей паствѣ. Сама тюремная стража, проникшись уваженіемъ къ узникамъ, помогала въ разсылкѣ писемъ и посланій. И слово заключенныхъ, несмотря на запретъ, проникало во все углы обширнаго московскаго государства, доходило оно и до Москвы. Чтобъ воспріятствовать этому, правительство рѣшило прибѣгнуть еще къ болѣе жестокимъ мѣрамъ наказанія, и первымъ вождямъ старообрядчества, заключеннымъ въ Путозерскъ, Лазарю, Епифанію, Федору, были отрублены правыя руки и вырваны языки. Самого выдающагося проповѣдника того времени Аввакума посадили въ земляную тюрьму и держали на хлѣбѣ и водѣ. Но и это не воспріятствовало сношеніямъ заключенныхъ съ единомышленниками.

Сырое подземелье, та могила, гдѣ жилъ „живой мертвецъ“—какъ называлъ себя самъ Аввакумъ,—сдѣлалось мѣстомъ, куда обращалась съ запросами и за советами вся

Россія. Отсюда Аввакумъ писалъ посланія даже царю. И вотъ, въ 1681 г., когда умеръ тишайшій царь Алексѣй, отличавшійся кротостью, по словамъ современниковъ, новый царь Теодоръ повелѣлъ „за великія на царскій домъ хулы“ сжечь пустоверкихъ узниковъ. 14 апрѣля 1682 года эта казнь совершилась ¹⁾. Погибъ и „богатырь протопопъ“, который умѣлъ своимъ убѣжденнымъ словомъ поддержать падавшихъ духомъ, который умѣлъ въ тяжелыя минуты жнани, въ минуты сомнѣній и колебаній утѣшить гонимыхъ.

Итакъ, уже первые годы жизни старообрядчества омрачились кровавыми событіями. Первые вожди погибли мученической смертью, но это лишь поддерживало силу въ старообрядцахъ и внушало имъ увѣренность въ правотѣ своего дѣла. Насиліемъ нельзя бороться съ убѣжденіями. Правительство того времени этого не понимало, и оно въ концѣ концовъ оказалось безсилнымъ бороться съ тѣми, которые, отстаивая завѣты старинъ, были готовы жертвовать за нихъ своею жизнью. Старообрядчество не слабѣло, а лишь усиливалось. А вмѣстѣ съ этимъ усиленіемъ—росли и правительственныя гоненія. Грозная церковная анаема провозглашена была на всѣхъ, придерживавшихся тѣхъ обрядовъ, которыхъ всего еще нѣсколько лѣтъ назадъ держалась вся Россія, отъ царя и патриарха до послѣдняго нищаго. Эти преслѣдованія вызвали въ народѣ большія волненія. Ревнителі старинъ обращались неоднократно къ правительству съ челобитными, прося дозволенія свободно отправлять богослуженіе по старымъ книгамъ. Но эти просьбы отвергались. Мѣстами поэтому вспыхивали открытыя возмущенія. 10 июня 1667 г. начался знаменитый соловецкій бунтъ. Въ теченіе девяти лѣтъ правительственныя войска не могли взять Соловецкаго монастыря. Наконецъ, возмущеніе было усмирено, и мятежь былъ подавленъ самими суровыми мѣрами. Черезъ нѣсколько лѣтъ вспыхнули стрѣльцкіе бунты. Къ вопросамъ вѣры здѣсь присоединилось и недовольство новыми государственнымъ порядками. Стрѣльцовъ, среди которыхъ большинство принадлежало

¹⁾ См. нашу книжку: „Великій подвижникъ протопопъ Аввакумъ“.

къ старообрядцамъ, поддерживало и остальное населеніе, обремененное непосильными податными тяготами, подавленнымъ крѣпостнымъ правомъ.

Первый стрѣльцкій бунтъ разразился въ 1682 году при царевнѣ Софьѣ, правившей государствомъ за малолѣтствомъ своихъ братьевъ, Ивана и Петра. Не чувствуя себя сильнымъ, правительство принуждено было уступить. Ослабили преслѣдованія старообрядцевъ. 5 іюля 1682 года въ Грановитой палатѣ были устроены даже всенародныя пренія о вѣрѣ ¹⁾. Правительство изъ боязни новаго возмущенія, заискивало передъ стрѣльцами, а стрѣльцы требовали прекращенія гоненій за вѣру; они требовали, чтобы патриархъ передъ всѣмъ народомъ открыто повѣдалъ, почему онъ ревнителі старой вѣры „проклятію предаеть и въ далекія заточенія засылаетъ. А Соловецкій монастырь вырубить повелѣлъ и за ребра перевѣшать и на морозѣ переморозить“.

Вскорѣ правительство Софьи удалось разъединить стрѣльцовъ путемъ подкуповъ и переговоровъ. Стрѣльцы выдали зачинщиковъ, которые были казнены, или отправлены въ далекую ссылку. Казненъ былъ и священникъ Никита, прозванный господствующей церковью Пустосвятомъ, который выступалъ отъ имени ревнителі старинъ время преній въ Грановитой палатѣ.

Послѣ этого Софья круто измѣнила свое поведеніе. На старообрядцевъ вновь обрушились самыя жестокія преслѣдованія. 7 апрѣля 1685 г. правительницей были изданы суровые законы, повелѣвшіе всѣхъ упорныхъ ревнителі старой вѣры хватать и, если они не покорятся..... жечь въ срубахъ! Даже раскаивавшихся и отступившихъ отъ прежней вѣры повелѣвалось бить кнутомъ исылать въ дальніе города. Имѣніе казенныхъ и ссылаемыхъ отбиралось въ казну на содержаніе „сычиковъ“, которыхъ разсылали во всѣ концы государства искать „раскольниковъ“. Конечно, эти мѣры возбуждали лишь большее неудовольство среди населенія.

¹⁾ Подробное объ этомъ времени см. нашу книжку „Прошлое старообрядцевъ“ 1) Подъячій-Докукинъ 2) Стрѣльцкій бунтъ.

Волновались и стрельцы. Въ 1698 году, уже въ царствованіе императора Петра I, среди нихъ вновь вспыхнул мятежъ, который былъ подавленъ съ небывалой еще жестокостью. Тысячи замѣшанныхъ въ мятежъ въ мрачныхъ застѣнкахъ Преображенскаго Приказа и Тайной розыскныхъ дѣлъ Канцеляріи подвергались самымъ безчеловѣчнымъ пыткамъ и мучительнымъ казнямъ. Императоръ съ придворными собственноручно рубили на плахахъ головы виновныхъ стрельцамъ...

Въ старообрядцахъ императоръ Петръ I видѣлъ главныхъ враговъ своихъ нововведеній. И первое время употреблялъ противъ нихъ самыя жестокія мѣры.

Сторонники старой вѣры убѣгали въ глухіе, непроходимые лѣса и тамъ среди болотъ и непролазныхъ топей они учреждали свои скиты. По всей странѣ разсылались воинскія команды, которые разыскивали укрывающихся и разоряли построенныя ими обители. Тюрьмы были переполнены заключенными старообрядцами. Мы не будемъ уже напоминать о тѣхъ ужасныхъ пыткахъ, которымъ подвергали ревнителей старой вѣры, дабы заставить ихъ отказаться отъ своихъ убѣжденій: какъ ихъ въ Преображенскомъ Приказѣ заживо „коптили на огнѣ, сжигали въ срубкахъ, щипцами ломали бедра и руки, вырѣзывали языки и т. д. и т. д. Страшно вспоминать о томъ тяжеломъ, кровавомъ времени...

Среди этихъ гоненій многіе приходили въ отчаяніе. Въ населеній укоренялась мысль, что наступаетъ конецъ міра, говорили о пришествіи антихриста. Чтобы не отдаваться въ руки правительства, тысячи, предпочитали сами покончить съ собой.

Сотни людей, собравшись вмѣстѣ, погибали голодной смертью или подвергали себя самоожженію. Такое самоубійство почиталось дѣломъ богоугоднымъ. По всей странѣ въ глухихъ лѣсахъ пылали костры, гдѣ старообрядцы со своими женами и дѣтми добровольно погибали въ огнѣ. Обыкновенно эти самоожженія происходили на глазахъ воинскихъ командъ, открывшихъ убѣжище бѣглецовъ. Тяжело должно быть было положеніе, когда приверженцы стародочитали огонь правительственному суду!

Нерѣдко бывали случаи, когда во время такихъ самоожженій съ пріемомъ молитвъ погибало 800—1000 человѣкъ одновременно.

Тысячи погибали такимъ образомъ. Но еще большее число отъ жестокихъ мѣръ преслѣдованія убѣгало вовсе изъ отечества. Огромныя толпы переселялись въ Турцію, Польшу. Какъ многочисленны были эти бѣглецы, показываетъ тотъ фактъ, что за 46 лѣтъ (1716—1762) изъ нижегородскихъ старообрядцевъ въ обществѣ бѣжало чуть ли не 7/8. Бѣгство это было такъ распространено, что правительство пыталось даже вооруженной силою возвращать изъ Польши бѣглецовъ. Центромъ поселеній бѣглецовъ была Вѣтка. И въ царствованіе Анны Іоанновны въ 1733 г. русскія войска, пользуясь слабостью Польши, вторглись въ ея предѣлы и разорили Вѣтку. Но эта мѣра не имѣла успѣха. На мѣсто тѣхъ бѣглецовъ, которые были прогнаны назадъ въ Россію, появились новыя тысячи, лишь только правительственная войска оставили Польшу. Вудучи безсильнымъ, конечно, бороться однимъ казнями съ народнымъ движениемъ—всѣхъ старообрядцевъ нельзя было переказнить,— правительство прибѣгло къ другимъ мѣрамъ. Въ 1714 г. правительство произвело перепись всѣхъ „раскольниковъ“ по губерніямъ. И эти записанные старообрядцы должны были платить двойныя подати, носить особія платья, на которыхъ пришивался „kozyрь изъ желтаго сукна“ или мѣдныя знаки, по которымъ можно было отличать старообрядцевъ отъ прочаго населенія. За право носить бороду опять-таки старообрядцы должны были уплачивать особый „окладъ“; имъ запрещалось жить въ городахъ; ихъ нельзя было выбирать на какія-либо общественныя должности и т. д. Ихъ лишали, наконецъ, возможности имѣть законныя семьи; за брачное сожитіе безъ вѣнчанія они предавались суду, а кто хотѣлъ совершить бракосочетаніе, тотъ долженъ былъ по закону отказаться отъ старой вѣры. Старообрядцевъ со старообрядцами вѣнчать было запрещено. Рождающихся у старообрядцевъ дѣтей законъ повелѣвалъ крестить по обрядамъ господствующей церкви. Этимъ путемъ намѣревались достигъ постепеннаго вымиранія старообрядцевъ.

Такимъ образомъ записанные старообрядцы, лишенные гражданскихъ правъ, были поставлены въ безвыходное положеніе. Потаенные, т.-е. не записанные старообрядцы, по закону 2 марта 1718 г. ссылались въ Сибирь въ каторжную работу, а укрыватели этихъ потаенныхъ лицъ подвергались казнямъ и лишенымъ имущества. Укрывательство считалось сопротивленіемъ власти. Смертной казни подлежали и всякій уличенный въ соvrращеніи въ старообрядчество кого-либо изъ членовъ господствующей церкви. Въ 1730 г. смертная казнь для соvrратителей была отмѣнена, и, вмѣсто казни, виновные подвергались жесточайшему наказанію и вѣчной ссылкой на галеры съ отобраніемъ всего имущества въ казну. Отбиралось въ казну имущество и тѣхъ лицъ, которые убѣгали за границу.

При такихъ условіяхъ жили старообрядцы въ первую половину XVIII вѣка. Отъ преслѣдованій, какъ мы говорили, они укрывались въ лѣсныхъ дебряхъ. Но и здѣсь ихъ накрывали воинскія команды, разорявшія ихъ жилища до тла—, такъ, чтобы и слѣдъ того мѣста, и, вмѣсто знамя, уничтожались у нихъ иконы и старопечатныя книги.

Какъ ни тяжело было жить при такихъ условіяхъ, число старообрядцевъ, какъ свидѣтельствовали правительственные чиновники того времени, лишь возрастало. Къ борцамъ за старую вѣру присоединялись народныя массы—русское крестьянство, обремененное непосильными повинностями. Здѣсь учителя старовѣрия вербовали главнымъ образомъ своихъ единомышленниковъ; на крестьянъ приходилось и наибольшее число бѣглецовъ...

Такъ шла жизнь старообрядцевъ вплоть до 1762 г. Правительство разоряло ихъ жилища, ссылало въ Сибирь и казнило наиболѣе упорныхъ, а старообрядцы сотнями сжигались или убѣгали за границу. Лились потоки слезъ и крови. За что?... Въ наше время остается лишь удивляться терпѣнію русскаго народа.

II. Конецъ XVIII и начало XIX вѣка.

Со времени императора Петра III начинается отмѣна прежнихъ стѣснительныхъ постановленій по отношенію къ старообрядцамъ. Правительство стало озачиваться заселеніемъ огромнаго Новороссійскаго края и заволжскихъ мѣстъ. Съ этой цѣлью въ Россію призывались иноземцы, которымъ давали большія льготы. Вспомини тогда и о тысячахъ бѣглецовъ старовѣровъ, которые толпами уходили за границу, унося съ собою капиталы, которые съ пользой могли бы употребить у себя на родинѣ.

Въ 1762 году императоромъ Петромъ III былъ изданъ указъ, разрѣшавшій старообрядцамъ, бѣжавшимъ за границу, возвратиться въ Россію. Одновременно съ этимъ объявлялось, что слѣдствія по прежнимъ дѣламъ прекращаются, дабы старообрядцы могли вернуться, не опасаясь наказанія. Указъ этотъ былъ подтвержденъ съ восшествіемъ на престолъ Екатерины II; правительство объявило, что не будетъ чинить никакихъ притѣсненій старообрядцамъ; имъ разрѣшалось носить бороды и ходить не въ установленной прежде одеждѣ; предоставлялось право избирать родъ жизни по собственному желанію—записываться въ купеческое сословіе. Велѣдъ за этимъ послѣдовалъ рядъ указовъ, возвращавшихъ старообрядцамъ гражданскія права, которыхъ они были лишены. Въ 1769 г. имъ возвращено было право судебного свидѣтельства, отнятое у нихъ при Петрѣ I; въ 1782 г. уничтоженъ двойной окладъ, въ 1785 г. дозволено было старообрядцевъ избирать на общественныя должности. Наконецъ, имъ разрѣшено было селиться во всѣхъ городахъ, не исключая и столицныхъ. Уничтожена была и специальная „Раскольниковъ контора“, вѣдавшая дѣла старообрядцевъ; отнынѣ старообрядцы были подчинены общимъ пріусудственнымъ мѣстамъ.

Мы видимъ, что старообрядцы при Екатеринѣ II во многихъ правахъ были сравнены съ остальнымъ населеніемъ. Конечно, это внесло большія облегченія въ ихъ многострадальную прежде жизнь. Однако свободы вѣры старообрядцы

не получили. Правительство сквозь пальцы смотрѣло на негласное отправление богослуженія, но открытое исповѣданіе „раскола“ по прежнему строжайше запрещалось. И въ 1768 г. и черезъ десять лѣтъ (въ 1778 г.) подтверждено было изреченіе строить старообрядческія церкви часовни и молитвенные дома.

Къ этому времени т.-е. къ 80-мъ годамъ, относится и образованіе единовѣрческой церкви. Единовѣріе было какъ-бы „переходною церковью“. Правительство смотрѣло на единовѣріе, какъ на средство сближенія старообрядцевъ съ господствующей церковью, и открыто признавъ его, съ 1800 г. дозволило устраивать единовѣрческія церкви. Позже единовѣрцамъ было разрѣшено открыть и типографію для печатанія церковныхъ книгъ. Дозволяя старообрядцамъ переходить въ единовѣріе, правительство однако строго воспрещало переходъ для тѣхъ, кто по бумагамъ и книгамъ, которыя вели священники, числились „православными“, т.-е. членами господствующей церкви. А такихъ т.-е. числящихся по бумагамъ „православными“, на дѣлѣ среди старообрядцевъ было $\frac{1}{10}$. Понятно, что правительство желало путемъ единовѣрія достигнуть хотя бы видимо полного уничтоженія старообрядчества. Но среди искреннихъ старообрядцевъ единовѣріе не могло пользоваться успѣхомъ. Они справедливо видѣли въ единовѣрії „ловушку“. Принятіе единовѣрія, на которое правительство смотрѣло лишь какъ на переходную мѣру, означало отказъ отъ старой вѣры, отъ той вѣры, за которую пришлось уже въ продолженіи полтора ста лѣтъ вынести столько страданій. Тотъ, кто во время жестокихъ гоненій проливалъ свою кровь за вѣру, тотъ, конечно, не могъ отказаться отъ нея ради благъ земныхъ, отъ да и аступило лучшее время.

Въ стремленіи примирить старообрядцевъ съ господствующей церковью, правительство, не давая по закону свободу богослуженія старообрядцамъ, на дѣлѣ смотрѣло сквозь пальцы на негласное существованіе старообрядческихъ молений. Такъ продолжалось вплоть до 1827 г., за ное время царствованія императора Александра I. Напрямѣрь, въ 1810 г. монахи Климовскаго старообрядческаго

монастыря въ Черниговской губерніи построили безъ разрѣшенія церкви и просили разрѣшить отправлять службу въ ней по старымъ обрядамъ. Официальнаго разрѣшенія на открытіе церкви не было дано, но изъ Петербурга послѣдовалъ приказъ: не чинить старообрядцамъ препятствій въ продолженію богослуженія. Такіе же случаи произошли въ Чугуевѣ тогдашней Слободско-Украинской (теперешней Харьковской) губ. въ Калужской, Курской, Архангельской, Саратовской уб. гдѣ старообрядцы строили часовни и богадѣльни. Правительство все эти учрежденія оставляло, но предписывало впредь не допускать возведенія часовенъ и богадѣльныхъ домовъ старообрядцами. Но если вновь появлялась гдѣ-нибудь часовня, то ее не разоряли, какъ прежде. Она спокойно существовала, и старообрядцы отправляли въ ней свое богослуженіе. И вся Россія покрылась сѣтью молитвенныхъ домовъ и богадѣленъ, которыя въ сущности были не богадѣльни, а монастыри. Они появляются на сѣверѣ—въ Петербургской, Ярославской, Новгородской, Вологодской губ., въ центрѣ—Московской, Тульской, Орловской, Воронежской, Тамбовской; на востокѣ—Казанской, Саратовской; на югѣ—Херсонской, Таврической, Екатеринославской и въ другихъ губерніяхъ. Въ Москвѣ открыто существуютъ двѣ огромныя старообрядческія богадѣльни при Рогожскомъ и Преображенскомъ кладбищѣ; эти учрежденія существующія подъ видомъ богадѣленъ, являлись для старообрядцевъ огромными монастырями гдѣ пребывало нѣсколько сотъ душъ обоего пола (уже въ 1790 г. на Рогожскомъ кладбище насчитывалось прихожанъ 20000 человекъ). Въ молитвенныхъ домахъ старообрядцевъ отправляли богослуженіе священники, бѣжавшіе изъ господствующей церкви. По указу 1803 г. этихъ священниковъ запрещалось преслѣдовать. Богадѣльни старообрядческія, на подобіе другихъ благотворительныхъ учреждений, получили право принимать пожертвованія и вклады, выбирать особыхъ уполномоченныхъ для веденія и управленія дѣлами. И мѣстнымъ начальствамъ повелѣно было не вмѣшиваться во внутреннее управленіе богадѣленъ и въ выборы уполномоченныхъ лицъ. По указамъ, шедшимъ изъ Петербурга, повелѣвалось

мѣстному чиновничеству вообще не тревожить старообрядцевъ въ ихъ домашнемъ быту—запрещалось даже дѣлать обыски въ домахъ для отобранія у старообрядцевъ книгъ „противныхъ ученію православной церкви“.

Мы видимъ, какъ облегчилось положеніе старообрядцевъ въ первые годы прошлаго столѣтія. И все чаще шли изъ Петербурга предписанія, повелѣвавшія не преслѣдовать старовѣровъ строгими мѣрами за ихъ мнѣнія о вѣрѣ. Въ Высочайшемъ повелѣніи 11 апрѣля 1820 года предписывалось: „допускать всякое снисхожденіе къ заблужденіямъ разныхъ сектъ, коль скоро дѣйствія ихъ не нарушаютъ спокойствія общаго, не являютъ соблазновъ и другихъ вредныхъ для общества послѣдствій“. Въ правилахъ, переподанныхъ полиціи для руководства по дѣламъ „раскольничьимъ“, говорилось, что мѣры, принимаемыя начальствомъ, должны быть таковыми, чтобы „какой-нибудь крутой оборотъ не показался раскольникамъ гоненіемъ, коего правительство никогда въ виду имѣть не можетъ“. Въ этихъ правилахъ неоднократно подтверждалось, что старообрядцы не преслѣдуются за мнѣнія о вѣрѣ, что они могутъ спокойно держаться этихъ мнѣній и исполнять принятые ими обряды.

Легко замѣтить, какая громадная пропасть лежала между тѣмъ, что говорилось и дѣлалось прежде, и теперь. Чѣмъ же надо было объяснять новыя поступки правительства по отношенію къ старообрядцамъ? Тѣми новыми вѣяніями, которыя стали проникать съ конца XVIII вѣка въ русское общество. Россія стала ближе знакомиться съ образованной западной Европой. Тамъ времена религиозныхъ гоненій давно уже прошли. Было время, когда и въ Европѣ пылали костры, на которыхъ сотнями гибли мученики за вѣру, всѣ несогласные съ господствующей въ то или иное время церковью, когда тюрьмы были переполнены, какъ и у насъ, подобными преступниками. Но это было давно. Въ XVIII вѣкѣ было уже признано, что государство не въ правѣ вмѣшиваться въ дѣла совѣсти человѣка. Каждый воленъ вѣрить по своему разумію; каждый по-своему можетъ искать пути въ царствѣ Божіемъ. На Западѣ прекратились религиозныя гоненія, и только у насъ они свирѣпствовали

со всей силой. И вотъ, когда Россія стала знакомиться ближе съ Западомъ, стали сознавать и у насъ необходимость отбросить старое насиліе въ вопросахъ вѣры. На Западѣ въ это время происходила великая французская революція, начавшаяся въ 1789 г. Французскій народъ возсталъ противъ своихъ угнетателей; онъ добивался свободы, и добился. Примѣръ Франціи, которая свергла старое правительство и выбрало новое, исцудать всѣхъ. И правительство другія государства въ сочли необходимымъ пойти на уступки, одѣлать самимъ первые шаги къ свободѣ, чтобы избѣжать полнаго крушенія. Отголоски того, что происходило на Западѣ, дошли и до насъ.

Императрица Екатерина II, получившая хорошее образованіе, ознакомившаяся съ лучшими писателями того времени и сама писавшая, находилась подъ влияніемъ тѣхъ собѣгій, которыя происходили на Западѣ. Въ своихъ сочиненіяхъ она провозглашала тѣ самыя начала свободы осуществленія которыхъ требовали на роду на Западѣ. Того-же требовали и лучшіе, наиболее образованные русскіе люди. Правда, то, что говорила Екатерина II въ своихъ сочиненіяхъ, далеко не всегда осуществлялось въ жизни, и въ ея царствованіе не были проведены необходимыя преобразованія, которыя должны были измѣнить жизнь русскаго государства и повести его по новому пути счастья и свободы. Но происходившіе разговоры до известной степени отзывались и въ жизни. Вотъ почему правительство часто сживъ пальцы смотрѣло на нарушеніе и существовавшихъ законовъ по отношенію къ старообрядцамъ. Законы эти, какъ мы уже говорили, были такъ же строги, какъ и прежде. По старому запрещалось для старообрядцевъ открытое богослуженіе, не дозволялось „ни по какому случаю“ строить молитвенные дома; предписывалось также отнюдь не допускать, чтобы старообрядцы принимали къ себѣ священнослужителей господствующей церкви. Но одновременно съ этимъ, какъ мы говорили, повелѣвалось не причинять старообрядцамъ „нзлішняго безпокойства и волненія умовъ“. И поэтому тамъ, гдѣ старообрядческая церковь уже существовала, гдѣ они были построены, какъ говорилось въ указахъ,

давно—тамъ ихъ не трогали. Не разрѣшалось возобновлять ветхихъ церковныхъ зданій, дабы подъ видомъ перестройки, старообрядцы не построили бы новаго. Но и это часто не соблюдалось. Тѣхъ бѣглыхъ священниковъ, которые отправляли уже у старообрядцевъ богомоленія, повелѣвалось не трогать. Такимъ образомъ негласно признавалось то, что запрещалъ законъ. Иавѣтная свобода, наступившая для старообрядцевъ, основывалась такимъ образомъ не на законѣ, а на томъ, что тѣхъ хотѣли власть имущіе. Захоти они поиному, и снова могли наступить для старообрядцевъ злыя времена гоненій. Они пользовались свободой до тѣхъ поръ, пока этого хотѣло правительство.

Безправные по закону старообрядцы, конечно, всецѣло были отданы въ зависимость мѣстнымъ властямъ. Власти всегда и ко всему могли бы придаться. И старообрядцы, чтобы пользоваться тѣми немногими льготами, которыя имъ предоставляли вопреки законовъ предписанія, шедшія отъ высшаго начальства изъ Петербурга, должны были нѣрѣдко подкупать мѣстныя власти. Тамъ, гдѣ были деньги, жилось сносно; тамъ, гдѣ ихъ не было, нѣрѣдко царилъ прежній произволъ. Все зависѣло отъ усмотрѣнія властей на мѣстахъ.

При Екатеринѣ II русское общество не было еще достаточно подготовлено, чтобы твердо признать негодность старыхъ порядковъ и смѣло выступить съ требованіями новыхъ. Оно еще только знакомилось съ этими новыми порядками...

Правительство же само отъ словъ не думало переходить къ дѣлу. То же было и при вступѣ Екатерины—императоръ Александръ I. Вступивши на престолъ, Александръ I призналъ необходимымъ все измѣнить въ „безобразномъ зданіи Имперіи“, какъ онъ выражался. Онъ говорилъ о необходимости введенія конституціи, т. е. народнаго правленія. Ту же мысль дѣляли и лучшіе русскіе люди еще со времени Екатерины. Еще болѣе близка имъ стала эта мысль послѣ Отечественной войны 1812 г. Война съ Наполеономъ привела русскія войска за границу. И тамъ всѣ вочію убѣдились огромному преимуществу тѣхъ новыхъ порядковъ, о введе-

ній которыхъ говорили въ Россіи. Изъ этихъ военныхъ побывавшихъ за границей, образовалось даже особое общество, которое поставило своею задачею ввести въ Россіи управленіе народными представителями, добиться уничтоженія крѣпостного права, подрывавшаго благосостояніе государства—рабское царство не могло процвѣтать, устранить почти сказочныя злоупотребленія, происходившія въ русскіихъ судахъ, учредить равенство всѣхъ передъ закономъ—однимъ словомъ, въ корень пересоздать старые русскіе порядки. Итакъ члены общества говорили о томъ, о чемъ, казалось, говорилъ и самъ царь. Но Александръ I скоро измѣнилъ свои мысли. Онъ такъ же враждебно сталъ относиться къ мысли о конституціи, какъ прежде враждебно относился къ старымъ русскимъ порядкамъ, негодность которыхъ была признана имъ самимъ. Но русское общество освоившееся уже съ мыслью о введеніи конституціи, не могло отказаться отъ установленія народнаго правленія. Не могло оно признать, что старый самодержавный государственный строй, при которомъ въ сущности правили страной одни лишь чиновники, лучше правленія народныхъ представителей. И оно попрежнему горячо защищало участие самого народа въ управленіи государственными дѣлами. Но надеждамъ на введеніе въ Россіи народнаго правленія по примѣру другихъ странъ—тогда не суждено было исполниться.

Умеръ императоръ Александръ I, который во второй половинѣ своего царствованія былъ уже противъ конституціи. Наступило время междоусерствія. Шестнадцать дней въ Россіи не было царя. Не знали, присягать ли Константину, брату Александръ I, который отказался отъ престола, или его младшему брату Николаю. Этимъ междоусерствіемъ и воспользовалось то общество, о которомъ мы только что говорили и которое стремилось къ водворенію народнаго правленія въ Россіи. Это общество состояло, главнымъ образомъ, изъ офицеровъ русской арміи. 14 декабря 1825 г. эти лица съ частью сочувствующихъ имъ солдатъ явились на Сенатскую площадь въ Петербургѣ и потребовали введенія конституціи. Между правительственными войсками,

державными сторону цесаревича Николая, и собравшимися на площади произошло кровавое столкновение. Правительственные войска одержали верхъ, и декабристы, какъ называли позднѣе собравшихся 14-го декабря на Сенатской площади, были разсыяны картечью изъ пушекъ. Этимъ и закончилась неудачная попытка декабристовъ добиться введенія народнаго правленія. Русский народъ былъ въ массѣ еще слишкомъ теменъ и невѣжественъ, чтобы поддержать эту небольшую кучку людей, первыхъ русскихъ борцовъ за народную свободу... Виновные въ возмущеніи были жестоко наказаны. Пять главныхъ руководителей возстанія 14-го декабря были преданы казни черезъ повѣшеніе. Остальные зачинщики были отправлены въ далекую ссылку, въ Сибирь на каторжныя работы.

Императоръ Николай I вступилъ на престолъ, какъ самодержавный монархъ, не ограниченный въ своей власти народными представителями. И снова восторжествовали старые порядки. Снова безотвѣтственные чиновники стали у власти. И скоро настало время, которое во многомъ напомнило старообрядцамъ тяжелое время Петра. Кончилась золотая пора, когда старообрядцевъ, если не по закону, такъ на дѣлѣ не преслѣдовали за ихъ религиозныя вѣрованія. Вскорѣ почти всѣ права, дарованныя старообрядцамъ за время царствованія Петра III, Екатерины и Александра I, были отняты. Наступило для нихъ почти прежнее безправіе.

Петрудно было отнять, конечно, то, что не было дано по закону, а лишь терпѣлось вопреки закону, по желанію правительства. И вотъ, старообрядцы были лишены весьма скоро льготъ, которыя имъ были временно предоставлены.

III. Гоненія въ царствованіе Николая I.

Съ 1827 г. начались отмѣны постановленій, сдѣланныхъ при Екатеринѣ II и Александрѣ I. Отмѣны эти первоначально начались съ мелочей, а затѣмъ коснулись и болѣе важныхъ вопросовъ.

Богадѣльные дома старообрядцевъ правительство непосредственно подчинило вѣдѣнію полиціи; затѣмъ постановлено было не утверждать духовныхъ завѣщаній о пожертвованіяхъ на содержаніе богадѣленъ, само существованіе которыхъ было признано уже незаконнымъ; закрыты были школы при богадѣльняхъ, веденіе метрическихъ книгъ было передано полиціи, и тѣмъ самымъ старообрядцы были поставлены еще въ большую зависимость отъ мѣстныхъ властей, каковая эта тяжелая была зависимость на дѣлѣ, мы увидимъ впоследствии. Затѣмъ вниманіе правительства было обращено на преслѣдованіе бѣгствующихъ священниковъ—имъ окончательно было запрещено отправлять богослуженіе у старообрядцевъ. Было обращено также особое вниманіе на моленныя. Въ 1826 году былъ строжайше подтвержденъ запретъ строить новыя моленныя и производить какія-либо исправленія ветхихъ зданій: было повелѣно предать забвенію предшествующія нарушенія закона, „покрытыя Монаршимъ снисхожденіемъ“, но впредь на обязанности мѣстныхъ властей лежало наблюденіе за неисправленіемъ старыхъ зданій. Такимъ путемъ думали уничтожить всѣ существовавшіе молитвенные дома, часовни, богадѣльни и др. старообрядческія учрежденія. Когда же оказалось, что и въ 1841 г. старообрядческія учрежденія продолжаютъ процвѣтать, т.-е., другими словами, негласно происходили исправленія старыхъ зданій, правительство предписало принять болѣе строгія мѣры. Вѣхія зданія приказано было разорять. И вотъ, по всей Россіи началось уничтоженіе старообрядческихъ учрежденій. Молитвенные дома или уничтожались, или насильно превращались въ единовѣрческіе монастыри. Вотъ нѣкоторыя цифры,— цифры далеко не полныя, идущія изъ правительственныхъ источниковъ, которыя показываютъ, какъ постепенно уничтожались молитвенные дома.

Въ 1847 г. закрыто было 7 молитвенныхъ домовъ, 28 совершенно уничтожено, 8 передано единовѣрцамъ; на слѣдующій годъ запечатано было 4, уничтожено 34, и 5 монастырей передано единовѣрцамъ; въ 1849 г. запечатано 9, совершенно уничтожено 36; въ 1850 г. запечатано 7, уничтожено 66, передано единовѣрцамъ 6; въ 1851 г. запеча-

тано 11, уничтожено 28, передано единовѣрцамъ 2; въ 1852 г. запечатано 8, уничтожено 20, передано единовѣрцамъ 3.

Итакъ, по однимъ правительственнымъ даннымъ, всего лишь по шесть лѣтъ у старообрядцевъ было отнято тѣмъ или другимъ путемъ 232 аданія! Потеря, конечно, громадная. На самомъ дѣлѣ за тридцатилѣтнее царствованіе Николая I у старообрядцевъ было уничтожено много сотенъ, если не тысячъ, молитвенныхъ зданій ¹⁾.

Уничтоженіе молитвенныхъ зданій сопровождалось и отобраніемъ имущества. Были отобраны десятки тысячъ древнѣйшихъ иконъ, десятки тысячъ богослужебныхъ книгъ и другихъ предметовъ. Только недавно старообрядцамъ вернули отобранные у нихъ предметы за многолѣтнія гоненія. И вотъ, теперь мы видимъ, какіе предметы находились въ теченіе десятилѣтій подъ полицейскими печатами. Мы узнаемъ, что въ ящикѣхъ подъ наименованіемъ „съ разными предметами“ лежали конфискованными мощи св. Николая Чудотворца, московскихъ митрополитовъ Петра и Алексѣя, часть древа Господня и пр., т. е. святыни, которыя чтутся равнымъ образомъ и членами господствующей церкви...

Часто иконы и богослужебныя книги, отбираемыя у старообрядцевъ и передаваемыя единовѣрцамъ, представляли большую цѣнность. Эти цѣнности являлись собственностью частныхъ лицъ, которыя на свои средства оборудовали молитвенные дома. Отобраніе этихъ вещей въ сущности было равнозначуще расхищенію чужого имущества.

На ряду съ лишеніемъ права богослуженія, уничтоженіемъ молитвенныхъ домовъ правительство ²⁾вернулось и къ другимъ стѣнительнымъ мѣрамъ, которыя предпринимались прежде по отношенію къ старообрядцамъ. Дѣтей старообрядцевъ вновь повелѣно было крестить по обрядамъ господствующей церкви и не считать ихъ старообрядцами. Въ 1841 г. былъ отданъ Высочайшій приказъ,—составить разъ

¹⁾ Въ 1853 г. было сдѣлано общее распоряженіе министру внутреннихъ дѣлъ: принять мѣры къ постепенному при первой къ тому возможности упраздненію старообрядческихъ скитовъ, монастырей, кладбищенскихъ заведеній и пр.

навсегда для старообрядцевъ семейные списки и не допускать впредь никакихъ добавленій по этимъ спискамъ, т. е. всѣ дѣти должны были уже числиться послѣ этого указа, сынами господствующей церкви. Еще въ 1827 г. было окончательно запрещено заключать браки между старообрядцами, и запрещеніе это было подтверждено вновь въ 1841 г. Постепенно лишались старообрядцы и другихъ гражданскихъ правъ. Въ 1842 г. было повелѣно, чтобы каждый, выбираемый на общественныя должности въ городахъ и посадахъ и дававший бы подписку въ томъ, что онъ не принадлежитъ „ни къ какой изъ раскольниковскихъ сектъ“. Другими словами, старообрядцы были лишены права избираться на общественныя должности. Въ 1853 г. это запрещеніе было добавлено еще распоряженіемъ выскрывать съ старообрядцевъ особый сборъ въ пользу служащихъ по выборамъ.

Одновременно съ этимъ правительство употребляло и болѣе строгія мѣры преслѣдованія. Всякій старообрядецъ, обличенный въ сокрытіи принадлежности къ своей сектѣ, подвергался безъ суда ссылкѣ въ отдаленный край восточной Сибири. Всѣ дѣла объ отступленіи отъ вѣры были изымаемы изъ вѣдѣній суда и разрѣшались административнымъ путемъ. Въ жизни это вызывало безконечныя злоупотребленія... Сотни старообрядцевъ безъ всякаго повода подвергались преслѣдованіямъ и въ концѣ концовъ попадали въ тюрьму, а потомъ и въ Сибирь. Нѣкоторыя цифры, взятая изъ правительственныхъ источниковъ, т. е. источниковъ, всегда уменьшающихъ дѣйствительное число, покажутъ намъ, какъ многочисленны были дѣла ³⁾по привлеченію старообрядцевъ къ отвѣтственности за тѣ или другіе проступки. Вотъ выписки, сдѣланныя самими чиновниками. Въ 1843 г. производилось 614 уголовныхъ дѣлъ, по которымъ было привлечено 1989 старообрядцевъ; въ 1844 г. производилось 713 дѣлъ, по которымъ подъ судомъ состояло 3489 человекъ; въ 1845 г. разбиралось 601 дѣло по обвиненію 4505 человекъ; въ 1846 г. разсматривалось 668 дѣлъ, подъ судомъ состояло 4979; въ 1848 г.—545 дѣлъ по обвиненію 3775 лицъ; въ 1849 г.—779 дѣлъ по обвиненію 5930 человекъ и т. д.

Мы видимъ, какъ съ каждымъ годомъ все больше растетъ

число судебных дѣлъ. Въдѣ здѣсь говорится только о дѣлахъ, доходившихъ до суда, а какая масса такихъ же дѣлъ была изъята изъ вѣдѣнія суда. Тысячи такихъ дѣлъ самолично рѣшались мѣстной властью. По вѣдѣ этимъ дѣламъ обвиняемые присуждались къ самымъ разнообразнымъ наказаниямъ: они присуждались къ наказанію плетью, къ ссылке въ каторжные работы на заводы въ Сибирь, къ отдачѣ въ солдаты, къ заключенію въ тюрьмы и монастыри и т. д. Монастыри—эти тихія обители, въ которыхъ люди уставше уходили искать отдохновенія отъ суеты мірской, были превращены государствомъ въ тюремные замки. Въ мрачныхъ, сырыхъ подземельяхъ этихъ монастырей десятками, а иногда и всю жизнь томилась несчастные узники, страдальцы за вѣру ¹⁾.

Для того, чтобы придать вѣдѣ этимъ мѣрамъ гоненій, направленныхъ въ концѣ концовъ на полное уничтоженіе старообрядчества, единство, правительство учредило цѣлый рядъ особыхъ „раскольниковыхъ комитетовъ, участіе въ которыхъ принимали представители мѣстныхъ властей и государственной церкви. Такіе комитеты были образованы въ Москвѣ, Н.-Новгородѣ, Самарѣ, Курскѣ, Сибирскѣ, Ярославлѣ, Могилевѣ и въ другихъ городахъ. Помимо этихъ мѣстныхъ комитетовъ, былъ учрежденъ въ Петербургѣ особый комитетъ по „дѣламъ раскольниковымъ“ состоявшій изъ чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ и выработывавшій общія мѣры преслѣдованія старообрядцевъ.

Надо ли говорить, что эти мѣры и были тѣ самыя, которыя давно уже приводились въ жизнь и о которыхъ мы только что говорили? Это была въ полномъ смыслѣ „истребительная политика“, какъ говорили впоследствии. Вся цѣль правительства—писалъ въ 1858 г. одинъ изъ государственныхъ дѣятелей того времени—состояла въ томъ, „чтобы изъять

¹⁾ Объ этихъ монастырскихъ тюрьмахъ читатель можетъ найти подробности въ книгѣ А. С. Пругавина. Все, что тамъ рассказывается, основывается на „подлинныхъ данныхъ“, взятыхъ изъ архивовъ. Книжка Пругавина переведена на всѣ иностранные языки, и весь образованный міръ приходилъ въ ужасъ, познакомившись съ фактами, которые описаны въ книгѣ.

раскольниковъ изъ-подъ общаго закона и подчинить ихъ исключительнымъ и особенно негласнымъ правиламъ, при которыхъ произволу открывалось широкое поле“... Это замѣчаніе болѣе, чѣмъ справедливо. Когда цѣлыя селенія старообрядческаго подвергались особымъ полицейскимъ надзоромъ, были окружены сотнями шпионовъ и соглядатаевъ—произволу открывалось дѣйствительно „широкое поле“. Каждый въ достаточной мѣрѣ можетъ судить объ этомъ по теперешнимъ чрезвычайнымъ и усиленнымъ охранамъ. Каково было жить подѣ страхомъ постоянныхъ обысковъ, суда и ссылки, зная, что защиты негдѣ найти! Даже судъ, какъ ни былъ онъ плохъ въ то время, не могъ дать защиты. Дѣла о старообрядцахъ, какъ мы уже говорили, главнымъ образомъ разрѣшались помимо суда по усмотрѣнію мѣстныхъ полицейскихъ властей. При такихъ условіяхъ жили сотни тысячъ русскихъ граждан! Беззаконіе и произволъ властей доходили до такой степени, что у лицъ, заподозренныхъ въ тайномъ приверженствѣ къ старообрядчеству, насильно отбирались дѣти для воспитанія ихъ въ духѣ ученія господствующей церкви. А такихъ незаписанныхъ старообрядцевъ было, пожалуй, большинство: кто, испугавшись невыносимыхъ преслѣдованій, видимо присоединялся къ господствующей церкви; кто по недоразумѣнію или по злоупотребленію властей, которыя вели книги записей рожденія, числился членомъ государственной церкви... И когда, наконецъ, въ 1846 г. повелѣно было „не разлучать членовъ одного семейства за разномысліе о вѣрѣ“, въ жизни стали примѣнять возмутительный способъ увоза дѣтей „тайкомъ“, что дѣлалось во время безчисленныхъ ночныхъ обысковъ, которые производились по приказанію свыше полиціей совместно съ духовенствомъ. Дѣло доходило до того, что правительство намѣревалось даже издать указъ, по которому всѣ старообрядцы должны были жить въ домахъ, построенныхъ по опредѣленному плану. Дѣлалось это для того, чтобы никто не могъ укрыться во время обыска въ какой-нибудь тайникъ, парочко съ такой цѣлью устроенный, чтобы полиція заранѣе знала бы всѣ входы и выходы...

Понятно, въ какое уныніе и отчаяніе приходили старо-

обрядцы. И многие изъ нихъ вновь обращались къ мысли бѣжать изъ отечества и за предѣлами Россіи найти себѣ убѣжище. Хорошо было положеніе, когда русскіе граждане должны были помышлять о бѣгствѣ съ родины въ чужія земли!

Многіе дѣйствительно убѣгали по старому въ Турцію или Австрію, часто жертвуя всѣмъ своимъ благосостояніемъ, оставляли на произволъ свое имущество, которое брала казна. На допросахъ многіе старообрядцы откровенно говорили: „мы бы всѣ рады были въ Австрію уйти, да пропуски крѣпки“. Правительство, преслѣдуя старообрядцевъ и не давая имъ никакой возможности жить у себя на родинѣ, вовсе не хотѣло однако лишаться своихъ гражданъ. Оно насильно задерживало ихъ въ Россіи. Тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ бѣглецами уходили нерѣдко и деньги. Многіе старообрядцы, благодаря своей сплоченности и предприимчивости, являлись, какъ и теперь, самыми богатыми людьми въ странѣ...

Австрія особенно притягивала нѣкоторыхъ старообрядцевъ. Для этого были особыя причины.

Тѣ, которые не шли въ единовѣрїе, и такимъ образомъ не могли имѣть священниковъ, находящихся подъ духовною властью архіереевъ господствующей церкви, были поставлены въ большое затрудненіе, когда правительство запретило принимать священниковъ, бѣжавшихъ изъ господствующей церкви. Кто-нибудь да долженъ былъ отправлять необходимыя старообрядцамъ требы. Часть старообрядцевъ совсѣмъ отвергла духовную іерархію—сами миряне по выбору исполняли богослуженіе. Это были безпоповцы. Другіе—поповцы стали искать за границей архіерея, который бы посвятилъ новыхъ старообрядческихъ священниковъ. Такой архіерей нашлся. Это былъ митрополитъ Амвросій, служившій прежде въ Востни. И вотъ, близъ русской границы въ Австріи была устроена старообрядческая митрополия—Вѣлая Криница. Вѣлая Криница сдѣлалась „святымъ мѣстомъ“, куда устремились бѣглецы изъ Россіи. Австрійское правительство всѣми средствами покровительствовало имъ—привлеченіе бѣглецовъ, конечно, было лишь въ интересахъ Австрійскаго государства. Митрополитъ Амвросій, водворившійся въ Вѣлой

Криницѣ въ 1846 г., посвятилъ нѣсколько архіереевъ, которые въ свою очередь совершали необходимыя таинства для посвященія духовныхъ пастырей. Не всѣ старообрядцы, правда, признали австрійское рукоположеніе. Тѣ, которые признали, стали называться послѣдователями австрійскаго согласія.

Этой части старообрядцевъ уже не приходилось отыскивать съ такимъ трудомъ священниковъ, которые согласились бы уйти изъ господствующей церкви для отправленія требъ у старообрядцевъ. Остальные же должны были по старому отыскивать себѣ бѣглыхъ священниковъ.

Новое духовенство старообрядцевъ подверглось еще большимъ преслѣдованіямъ со стороны правительства. Первые архіереи были схвачены въ турецкихъ владѣніяхъ, доставлены въ Москву и подвергнуты тяжкимъ монастырскимъ заключеніямъ. Въ 1854 г. подъ охраной жандармовъ были доставлены въ Спасо-Евфиміевъ монастырь, находящійся въ гор. Суздальѣ Владимирской губ., архіепископъ Аркадій и епископъ Алимпій. По Высочайшему повелѣнію они подлежали заключенію въ монастырскую тюрьму „подъ строжайшій надзоръ“. На шестидесятилѣтнемъ старцѣ Алимпії это заключеніе отразилось очень тяжело. Онъ началъ хворать, и 25 августа 1859 г. скончался. Но мѣсто Алимпія занялъ другой старообрядческой епископъ Коновъ, захваченный въ концѣ 1858 г. уже не въ турецкихъ владѣніяхъ, а въ Свирскомъ уѣздѣ Кіевской губ. Въ 1863 г. число старообрядческихъ архіереевъ, сидѣвшихъ въ суздальской тюрьмѣ, увеличилось еще однимъ. 2 іюля этого года былъ привезенъ въ монастырь пермскій старообрядческой епископъ Геннадій. Только въ 1881 г. были освобождены Аркадій, Коновъ и Геннадій...

Такъ поступали съ вождями старообрядцевъ, обличенныхъ духовнымъ саномъ, что же говорить о простыхъ священникахъ и рядовыхъ старообрядцахъ! Эти преслѣдованія были такого рода, что даже нѣкоторые правительственные чиновники удивлялись терпѣливости старообрядцевъ. Такъ извѣстный чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ Мельниковъ, изучавшій исторію старообрядчества, въ запискѣ, поданной великому князю Константину Николаевичу въ

1857 году писалъ по поводу гонений: „Будь это на Западѣ, давно бы лились потоки крови какъ лились они во время реформаціи ¹⁾, тридцатилѣтней войны, религиозныхъ войнъ въ Англіи. Сравнивая положеніе протестантовъ передъ началомъ религиозныхъ войнъ съ современнымъ положеніемъ раскольниковъ, нельзя не согласиться, что послѣдніе стѣснены несравненно болѣе, чѣмъ были стѣснены первые²⁾. У насъ всѣ эти насилія надъ совѣстью гражданъ терпѣлись почти безропотно. Правда, на почвѣ преслѣдованія происходили иногда открытыя столкновения между властями и населеніемъ, преимущественно тогда, когда власти приступали къ разоренію молитвенныхъ домовъ или старообрядческихъ монастырей. Но эти случаи были рѣдки. Религиозныя гоненія не вызывали у насъ такихъ отпоровъ, какъ на Западѣ.

IV. 60—70-ые годы.

Мы уже видѣли, какихъ размѣровъ достигли религиозныя преслѣдованія за тридцатилѣтнее царствованіе Николая I. Въ это время тяжело приходилось не однимъ старообрядцамъ, а и всему русскому народу. Императоръ Николай I хотѣлъ превратить Россію въ какія-то военныя казармы, гдѣ все дѣлается по приказу начальства безъ разсужденій. Свобода была совершенно задущена порядками, которые водворились въ Россіи. Никто изъ русскихъ граждан не смѣлъ говорить и писать такъ, какъ онъ думалъ. Тюрьма и ссылка были удѣломъ смѣльчаковъ. Нечего говорить, что страна изнывала подъ такимъ гнетомъ.

Государство, гдѣ царилъ рабство, было безсильно. И это полное безсиліе Россіи обнаружилось во время Крымской

¹⁾ На Западѣ до XVI в. господствовала католическая церковь. Какъ наша господствующая церковь, такъ и католическая, опираясь на содѣйствіе свѣтской власти, преслѣдовала всѣхъ несогласныхъ съ нею огнемъ и мечемъ. На Западѣ пылали костры, гдѣ гибли „еретики“; тюрьмы инквизиціи (высшаго духовнаго суда) были переполнены заключенными. Восставшіе противъ господства католической церкви получили общее названіе протестантовъ. Грѣшныя ихъ рылави кровавыя возмущенія, приведшія въ концѣ концовъ къ многолѣтнимъ войнамъ.

войны, когда палъ подъ ударами непріятелей геройски защищаемый русскими солдатами Севастополь. Война показала всю слабость огромной Имперіи, несмотря на видимое ея могущество. Войска, на которыя тратились безъ контроля миллионы народныхъ денегъ, на которыя было обращено главное вниманіе царствовавшего императора, оказались снабженными никаку негодными орудіями, которыя не могли состязаться съ новѣйшими усовершенствованными орудіями непріятелей. Война обнаружила полное объденіе страны подъ влияніемъ крѣпостного права. Негодность русскихъ порядковъ долженъ былъ передъ смертью признать и самъ императоръ Николай. Онъ ясно увидѣлъ въ дни Севастополя, что введенные имъ порядки привели къ позорному крушенію Россіи. Послѣ тридцатилѣтняго царствованія, когда голось народа всѣми силами заглушался, Россія оказалась почти на краю гибели. Говорятъ императоръ самъ признался своему сыну на смертномъ одрѣ, что онъ сдаетъ „команду“, т. е. Русское государство, не въ томъ видѣ, въ какомъ хотѣлъ.

Итакъ Севастополь былъ крушеніемъ тѣхъ порядковъ, которыя господствовали у насъ въ 40-ые и 50-ые годы прошлаго столѣтія. Все русское общество послѣ войны требовало коренныхъ преобразованій въ государственномъ устройствѣ. И, конечно, прежде всего требовалось освободить народъ отъ рабской крѣпостной зависимости. На этомъ рабствѣ основывалось все государственное устройство. Рабство и подлележно уничтоженію въ первую голову, тѣмъ болѣе, что и крестьяне волновались въ ожиданіи свободы. Крестьянскіе бунты, полное экономическое истощеніе страны заставляли правительство двигаться по пути реформъ. Новый императоръ Александръ II чувствовалъ опасность медлить съ необходимыми преобразованіями, — тѣми преобразованіями, на которыя указывало русское общество и которыя, такъ сказать, требовала сама жизнь.

Въ знаменитой рѣчи, обращенной въ февралѣ 1856 г. къ предводителямъ московскаго дворянства, Александръ II сказалъ: „лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собой начнетъ отмѣняться снизу“. Это было начало подготовки къ осн-

бождению крестьян, последовавшему, как известно, 19 февраля 1861 г. Итак, исполнилось заветное желание лучших русских людей. За этой реформой последовали и другие, неразрывно связанные с уничтожением крепостного строя, — реформа суда, введение земского и городского самоуправления, всеобщей воинской повинности, преобразование школьного дѣла и т. д.

В то время, когда вводились указанные преобразования, внимание правительства должно было, конечно, остановиться и на реформѣ отношений государства къ вѣроисповѣднымъ вопросамъ. Правительству необходимо было опредѣлить и свое отношение къ старообрядцамъ, къ тѣмъ миллионамъ русскихъ гражданъ, которые наряду съ другими должны были получить новые права. 16 августа 1864 г. былъ изданъ указъ, говорившій о необходимости предоставить свободу въ дѣлахъ вѣры последователямъ „менѣ вредныхъ сектъ“ — здѣсь, конечно, подразумевались старообрядцы. Для разработки этого указа и новаго закона были образованы и особая коммисія. Но пока эти коммисіи работали, — работали крайне медленно, какъ все подобныя чиновничьи начинанія, въ русской жизни произошли вновь перемѣны. И вопросъ о старообрядцахъ остался нерѣшеннымъ. Все бывшій стѣненин сохранил силу. Правительство, уступая требованіямъ общества послѣ неудачной войны, первоначально согласилось на преобразование. Нѣкоторыя изъ намѣченныхъ преобразованій уже были проведены въ жизнь. Оставалось еще сдѣлать многое, какъ правительство пошло назадъ. Время реформъ кончилось. Правительство отдѣльными распоряженіями стало брать назадъ то, что дало прежде. Наступила, какъ у насъ говорить, реакція. Конецъ 70-хъ годовъ, конецъ правленія Александра II почти ничѣмъ не отличался отъ Николаевского времени. Конечно, и для старообрядцевъ правительственная реакція означала старому лишеніе вѣроисповѣдныхъ и гражданскихъ правъ.

Мы ясно видимъ, что улучшение участи старообрядцевъ всецѣло зависѣло отъ напразденія, которое принимала русская государственная жизнь. Когда правительство начинало прислушиваться къ голосу общества, когда оно вынуждено

было идти на ступки, убогда ослаблялись ежевыя рукавицы, въ которыхъ правительство стремилось держать русскій народъ, тогда наступали времена облегченій и для старообрядцевъ. Но когда правительство чувствовало себя сильнымъ, когда все его усилія были направлены на уничтоженіе стремленій народа къ свободѣ, столь необходимой для процвѣтанія государства, — тогда и для старообрядцевъ наступала тяжелая времена. Вторая половина царствованія Александра II, какъ мы говорили, ознаменовалась вновь торжествомъ реакціи. Но въ самомъ концѣ 70-хъ годовъ по причинамъ, выяснять которыя трудно въ немногихъ словахъ (причины были всегда однѣ и тѣ же — волненія въ обществѣ), правительство вновь принуждено было пойти на уступки. Заговорили о необходимости введенія конституціи, т. е. того народнаго правленія, котораго въ свое время добивались еще декабристы и которое всегда было мечтой образованной части русскаго общества. Въ этомъ народномъ правленіи видѣли единственный выходъ изъ того невыносимаго положенія, въ которое была поставлена Россія правительствомъ. И вотъ тогда-то вновь заговорили о старообрядцахъ. Въ газетахъ и журналахъ того времени много писалось о вредѣ бюрократическаго строя, т. е. управления страной чиновниками, когда не считали нужнымъ считаться съ общественнымъ мнѣніемъ, т. е. прислушиваться къ голосу народа, къ его требованіямъ и нуждамъ. Въ газетахъ писалось о необходимости установить въ Россіи свободу совѣсти, провозгласить это неотъемлемымъ правомъ каждаго гражданина. Наряду съ этимъ, конечно, былъ поднятъ вопросъ и о признаніи за „расколомъ“ религиозныхъ и гражданскихъ правъ, которыя такъ грубо поспирались въ жизни.

Послѣ вліяніемъ этихъ разговоровъ мы видимъ, что въ жизни старообрядцевъ наступаютъ нѣкоторыя облегченія. Эти облегченія носили на первыхъ порахъ частичный характеръ. Такъ, послѣ долгихъ и настоячивыхъ ходатайствъ со стороны рогожскихъ старообрядцевъ о снятіи полицейскихъ печатей, наложенныхъ по Высочайшему повелѣнію 7 іюля 1856 г. на алтари храмовъ Рогожскаго Кладбища,

въ 1881 г. было разрѣшено на амвонахъ поставить временные алтари и въ нихъ совершать богослуженія священникамъ бѣлокриницкой іерархіи. Любопытно, что при разсмотрѣніи этого вопроса въ комитетѣ министровъ, выяснилось, что старообрядческія свѣтныи были опечатаны безъ всякаго повода по доносу, поступившему къ митрополиту Филарету о какомъ-то столкновеніи между старообрядцами и членами господствующей церкви. По официальному разслѣдованію, произведенному въ 1880 г. чиновникомъ московскаго генералъ-губернатора, установлено было, что все это было завѣдомой ложью. Указанный фактъ показываетъ, къ какимъ неблагоприятнымъ приемамъ обмана и доносовъ прибѣгали въ то время, чтобы найти хотя бы какое-нибудь видимое основаніе для принимаемыхъ мѣръ преслѣдованія. Завѣдомой ложью хотѣли оправдать совершаемое насиліе и слишкомъ явную несправедливость! Старообрядцы послѣ запечатанія алтарей неоднократно при каждомъ удобномъ случаѣ обращались къ правительству съ просьбой разслѣдовать дѣло но всегда въ отвѣтъ на свои ходатайства получали лишь строгое запрещеніе беспокоить правительственную власть напрасными просьбами. Болѣе всѣхъ противился распечатанію свѣтѣйшей правительствующей синоды, который даже въ 1880 г. находилъ, что распечатаніе алтарей въ храмахъ Рогожскаго Кладбища не можетъ быть допущено „по духу постановленій православной церкви“... Въ 1881 г. старообрядцы получили дозволеніе поставить временные алтари, потому что въ то время готовился къ опубликованію новый законъ о старообрядцахъ, въ основу котораго былъ положенъ Высочайшій указъ 1864 г. И вотъ, 3 мая 1883 г., наконецъ, былъ опубликованъ этотъ законъ.

В. Законъ 3 мая 1883 г. и послѣдующее время.

Издавая законъ 3 мая, Государственный Совѣтъ—высшее законодательное учрежденіе того времени—писалъ, что законъ стремится охранять „право вѣрующаго человѣка, хотя бы и заблуждающагося въ своихъ религіозныхъ вѣрова-

ніяхъ, свободно молиться“. Новый законъ говорилъ, что старообрядцы „не преслѣдуются за мнѣнія ихъ о вѣрѣ“. Старообрядцы были восстановлены въ тѣхъ гражданскихъ правахъ, которыхъ окончательно лишились въ царствованіе Николая I: имъ была предоставлена безъ ограниченія свобода передвиженія, право торговли, право владѣнія недвижимымъ имуществомъ, право занимать по выборамъ различныя общественныя должности. Имъ была разрѣшена свобода богомоленія, постройки молитвенныхъ домовъ и пр. Законъ запретилъ лишь „публичное оказательство“ вѣроученія, могущее служить соблазномъ для членовъ господствующей церкви и строго преслѣдовалъ „совращеніе“, т. е. обращеніе послѣдователей господствующей церкви въ старообрядчество. Такимъ образомъ законъ далеко не предоставилъ старообрядцамъ полную свободу вѣры. Но хорошо было бы и то, если бы старообрядцы не преслѣдовались за свою вѣру. Старообрядцамъ, конечно, не такъ важно было другихъ совращать въ свою вѣру, какъ обезпечить себѣ неприкосновенность вѣры. Если бы законъ 3 мая 1883 г. примѣнялся на дѣлѣ, старообрядцы почувствовали бы значительное облегченіе, но горе въ томъ, что этотъ законъ остался почти только на бумагѣ.

Очень скоро въ русской жизни опять восторжествовала реакція, и легко то, что было дано одной рукой, было отнято другой. Законъ 3-го мая отдавалъ попрежнему старообрядцевъ въ вѣдѣніе полицейскимъ властямъ. И путемъ отдѣльныхъ распоряженій законъ въ жизни былъ почти уничтоженъ. Уже въ 1884 г. временные алтари на Рогожскомъ Кладбищѣ были сняты. Старообрядцамъ предоставлялось по закону строить молитвенные дома, но для этого они должны были испросить разрѣшенія министерства внутреннихъ дѣлъ. А министерство нужныхъ разрѣшеній не давало. Такимъ образомъ право открывать молитвенные дома, предоставляемое закономъ, на дѣлѣ не существовало. Старообрядцамъ приходилось по необходимости прибѣгать къ открытію негласныхъ церквей. Напримѣръ, въ 90-хъ годахъ въ огромной Нижегородской епархіи существовало 172 неразрѣшенныхъ моленныхъ, а разрѣшенныхъ правительствомъ

всего 12; въ Вятской епархіи на 60 неразрѣшенныхъ приходилось всего 6 разрѣшенныхъ. Эти цифры лучше всякихъ разсужденій говорить намъ о положеніи дѣла. Подъ всякимъ благовиднымъ предлогомъ по доносу полицейскаго чина, по требованію мѣстнаго священника господствующей церкви, указывавшаго на вредъ, приносимый якобы населенію тѣмъ, что въ данной мѣстности существуетъ разрѣшенная правительствомъ молельня, послѣдняя безъ всякаго законнаго повода закрывалась. Да и никакого повода не надо было, такъ какъ закрытіе предоставлялось всецѣло на усмотрѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ, другими словами, на усмотрѣніе мѣстной администраціи, отъ губернатора до урядника включительно. Если существовавшіе уже молитвенные дома приходили въ ветхость, то старому для ихъ исправленія требовалось вновь испросить разрѣшеніе, которое далеко не всегда давалось, а если и давалось, то при условіи не измѣнять наружнаго вида зданія и т. д. Этимъ требованіемъ, конечно, строители иногда ставились въ безвыходное положеніе. Однимъ словомъ, право отправлять богослуженіе въ разрѣшенныхъ правительствомъ храмахъ и молитвенныхъ домахъ было обставлено самыми мелочными придирками, которыя дѣлали законъ простой бумажкой, не имѣющей никакого значенія въ жизни.

Законъ, какъ мы говорили, запрещалъ старообрядцамъ всякую попытку „публичнаго оказательства“ вѣры; такому запрещенію подвергались наружные колокола на храмахъ, употребленіе священнослужительскаго одѣянія, ношеніе иконъ, духовное пѣніе—даже на кладбищахъ во время похоронъ, хотя старообрядцы имѣли свои собственные кладбища, а тамъ, гдѣ ихъ не было, старообрядцамъ отводились отдѣльныя мѣста. Къ публичному оказательству власти относили даже ношеніе старообрядческимъ духовенствомъ виѣ богослуженія священнослужительскаго одѣянія; и часто полиція преслѣдовала старообрядческое духовенство за то, что оно носило шляпы, похожія на шляпы господствующаго духовенства; за то, что оно носило длинные волосы. И это считалось публичнымъ оказательствомъ вѣры, которое можетъ служить соблазномъ для господствующей церкви...

Законъ предоставилъ право уставщикамъ, наставникамъ и другимъ лицамъ исполнять духовныя требы у старообрядцевъ, не подвергаясь за это преслѣдованіямъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда они окажутся виновными въ распространеніи своихъ заблужденій между сынами господствующей церкви, а между тѣмъ администрація сплошь да рядомъ требовала отъ духовныхъ старообрядческихъ пастырей отказа отъ священническаго званія и совершенія требы, а не желавшіе исполнять противозаконныхъ требованій администраціи подвергались немедленной высылкѣ въ отдаленные края. Старообрядческихъ наставниковъ правительствомъ вплоть до послѣдняго времени не желало признавать духовными пастырями. И вотъ, даже въ послѣднюю японскую войну были случаи, когда старообрядческое духовенство должно было идти на войну въ качествѣ простыхъ солдатъ. Старообрядцамъ постарому запрещалось заводить скиты и обители. Надъ ихъ монастырями, существующими подъ видомъ различныхъ богадѣленъ, главенствовали, какъ и прежде, особые чиновники министерства внутреннихъ дѣлъ. Врядъ ли надо говорить послѣ всего сказаннаго, какъ жило тамъ подъ опекой этихъ чиновниковъ!

Но еще хуже обстояло дѣло съ веденіемъ книгъ, съ записями о рожденіи, бракѣ и смерти старообрядцевъ. Веденіе этихъ книгъ еще по закону 10 апрѣля 1874 г. было предоставлено полицейскимъ управленіямъ и духовнымъ консисторіямъ... Въ эти книги вносились лишь старообрядцы, которые принадлежали къ извѣстному толку отъ рожденія, т.-е. тѣ, у которыхъ родители были старообрядцы, и надъ которыми не было совершено никакихъ таинствъ господствующей церкви. Всѣ остальные должны были числиться противъ своей воли и совѣсти сынами господствующей церкви. При этихъ записяхъ происходили немовѣрные злоупотребленія. Нерѣдко исконный старообрядецъ,—старообрядецъ отъ рожденія, зачислялся въ ряды послѣдователей господствующей церкви. Онъ лишился такимъ образомъ возможности имѣть правильную законную семью. Бракъ его, совершенный по старообрядческому обряду, не признавался закономъ, и дѣти его считались незаконнорожденными. Самъ

онъ считался отпавшимъ и подлежалъ строгому преслѣдованію закона. На этой почвѣ въ жизни иногда происходили тяжелыя семейныя сцены.

Въ доказательство того, что все, о чемъ мы говорили, не есть измышленіе, напоминаемъ, что сами старообрядцы Поволжья въ 1901 г. за подписью 49713 лицъ обратились съ ходатайствомъ къ правительству изъавить ихъ отъ „преслѣдованія за мнѣнія о вѣрѣ“; они просили сохранить хотя бы тѣ ограниченныя права, которыя были предоставлены имъ закономъ 3 мая 1883 г. и которыми они почти не пользуются. Эта просьба наглядно показываетъ намъ, какъ примѣнялся въ жизни законъ 3-го мая. Съ изданіемъ этого закона положеніе старообрядцевъ мало измѣнилось въ лучшую сторону.

Конечно, въ это время старообрядцы не подвергались ужасамъ былыхъ временъ. Не существовало ни пытокъ, ни казней. Но тюрьмы и ссылки были до самаго послѣдняго времени обычнымъ явленіемъ. Свобода вѣры ежедневно нарушалась самымъ грубымъ образомъ.

VI. Новые приемы борьбы со старообрядцами.

Никакія мѣры преслѣдованія, какъ и прежде, конечно, не достигали цѣли. Старообрядчество не уменьшалось. Еще въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія правительство должно было признать, что гоненія старообрядцевъ въ теченіе 200 лѣтъ не увѣнчались никакимъ успѣхомъ. Свѣдѣнія, собранныя правительствомъ въ тѣ годы, показали, что число старообрядцевъ съ каждымъ годомъ лишь умножается. И въ наше время съ цѣлью ослабить старообрядчество правительство, наряду съ прежними мѣрами, стало прибѣгать и къ другимъ мѣрамъ, къ мѣрамъ духовнаго воздѣйствія. Съ этой цѣлью учреждались миссіи, велась собесѣдованія и т. д., но миссіонеры дѣлали свое дѣло при помощи полицейскихъ властей. А при такихъ условіяхъ это увѣщаніе путемъ проповѣди превращалось лишь въ новое насилие.

Во всѣ концы Россіи Синодъ снаряжалъ миссіи для

собесѣдованія со старообрядцами. Кто бывалъ на этихъ со собесѣдованіяхъ, тотъ знаетъ, къ какимъ иногда печальнымъ результатамъ приводили они. Нерѣдко старообрядцы, осмѣливавшіеся выступать на собесѣдованіяхъ и рѣзко порицать господствующую церковь или дѣйствія правительства, подвергались ссылкѣ. Такимъ образомъ эти миссіонеры являлись часто, какъ у насъ говорятъ, провокаторами. Вся бесѣда велась въ сущности не для выясненія, на чьей сторонѣ истина а исключительно лишь для того, чтобы возложить хулу на ученіе старообрядцевъ; часто вѣра старообрядцевъ поносились самымъ грубымъ образомъ, а такъ какъ отвѣчать нельзя было—это поношеніе было своего рода преслѣдованіемъ „за мнѣнія о вѣрѣ“. Приемы поношенія у миссіонеровъ нерѣдко бывали тѣ же, что и двѣсти лѣтъ назадъ, когда господствующее духовенство вступало въ споръ съ послѣдователями старообрядцевъ—тогда и въ печатныхъ книгахъ дѣятели господствующей церкви, напримѣръ, извѣстный Дмитрій Ростовскій, называли дуперстное перстосложеніе „армяскимъ кукишемъ“, „чорговымъ преданіемъ“ и т. д. Конечно, такими приемами убѣдить старообрядцевъ въ ихъ неправотѣ было трудно. Въ началѣ прошлаго вѣка правительство издало картины, въ которыхъ представляло въ самомъ смѣшномъ видѣ ученіе старообрядцевъ. И въ наше время печатались съ одобренія Синода самыя грубыя лубочныя картины и книжки, въ которыхъ поносились старообрядческое ученіе. Такое неуваженіе къ мнѣнію другихъ, притомъ, когда другой лишенъ возможности отвѣтить на поношенія—нельзя иначе назвать, какъ преслѣдованіемъ за вѣру. Это и было на самомъ дѣлѣ лишь однимъ изъ средствъ преслѣдованія. На старообрядцевъ и устно и печатно возводили самыя недѣльныя и несуразныя обвиненія. Они выставлялись фальшиво-монетчиками и пр. Мошцы, которыя читли старообрядцы, въ этихъ уличныхъ изданіяхъ поносились, какъ подложныя. Бывали даже случаи, когда эти мошцы полицейскія власти совмѣстно съ духовенствомъ господствующей церкви уничтожали. Такіе случаи, напримѣръ, происходили неоднократно на Кавказѣ. Все это дѣлалось съ единственной только цѣлью возбудить къ старообрядцамъ ненависть и вражду

со стороны остального населения. Во всеподданѣйшихъ отчетахъ, которые ежегодно представлялись оберъ-прокуроромъ Правительствующаго Синода, много говорилось о необходимости дѣйствовать на заблуждающихся, т.-е. на старообрядцевъ, „мягкостью и кротостью“ въ „духъ терпимости“ и христіанской любви, путемъ просвѣщенія черезъ „раскрытие и усненіе ихъ неправоты“. На самомъ дѣлѣ правительство дѣлало все, чтобы лишить старообрядцевъ просвѣщенія.

Часто говорятъ о невѣжествѣ старообрядцевъ, но тотъ, кто ближе знакомится со старообрядчествомъ, видитъ, что это неправда. Огромная масса старообрядцевъ принадлежитъ къ народу, къ той крестьянской средѣ, которая почти поголовно до сихъ поръ еще безграмотна. Въ этой средѣ старообрядцы выдѣляются распространенностью грамотности. Если бы не постоянныя прешетствія со стороны правительства, образованіе среди старообрядцевъ давно бы поднялось еще болѣе впередъ. Объ этомъ говорятъ наблюдавшие лично жизнь старообрядцевъ. Извѣстный изслѣдователь быта старообрядцевъ А. С. Пругавинъ въ своей книгѣ „Старообрядчество во второй половинѣ XIX вѣка“ пишетъ: „Еще въ то время, когда почти вся масса русскаго крестьянства коснѣла въ полномъ невѣжествѣ, мы уже видимъ въ старообрядцествѣ несомнѣнные признаки и проблески умственного развитія и просвѣщенія. Уже въ это время въ ихъ скитахъ можно было встрѣтить школы, въ которыхъ обучались грамотѣ старообрядческія дѣти обоаго пола; въ скитахъ были свои учителя и учительницы, свои библиотеки и цѣлыя канцеляріи, въ которыхъ въ огромномъ количествѣ переписывались разныя старообрядческія книги, тетради, рукописи и т. д.“; составлялись стихи, издавались картины и пр. Кромѣ этихъ школъ, при скитахъ у старообрядцевъ исконно существовали своего рода „подвижныя школы“—извѣстное число бродячихъ учителей ходило изъ села въ село, изъ деревни въ деревню и учило народъ грамотѣ. Въ то же время у нихъ чувствовалась потребность обзавестись и лучшими школами, дать населенію болѣе широкое образованіе. Еще во время Александра I неоднократно возбуждался вопросъ объ учрежденіи старообрядческихъ училищъ. Такія образовательныя

школы на протяженіи XIX вѣка возникаютъ во многихъ мѣстахъ при различныхъ старообрядческихъ учрежденіяхъ. Какъ же правительство, говорившее о необходимости вліять на старообрядчество путемъ просвѣщенія, относилось ко всѣмъ этимъ попыткамъ внести въ старообрядческую народную массу свѣтъ просвѣщенія? Не содѣйствіе, а лишь одни тормовы и прешетствія мы видимъ со стороны правительства. А. С. Пругавинъ въ своей книгѣ приводитъ нѣсколько наглядныхъ примѣровъ.

Въ царствованіе Николая I старообрядцамъ нечего было и думать объ открытіи школъ. И тѣмъ не менѣе въ это суровое время были сдѣланы попытки открыть школы. Но правительство немедленно же ихъ закрывало. Такъ въ 1832 г. въ Ригѣ была закрыта старообрядческая школа—единственная русская школа въ городѣ; та же участь постигла въ 1835 г. московское старообрядческое училище. Въ 1839 г. послѣдовало строжайшее запрещеніе выдавать старообрядцамъ свидѣтельство „на право обученія дѣтей“. Въ 1850 г. рижскіе старообрядцы ходатайствовали о дозволении ихъ дѣтямъ учиться въ гимназіяхъ и университетахъ. Имъ было это дозволено при условіи, что дѣти ихъ присоединятся къ господствующей церкви. Итакъ, мы видимъ, что правительство не только не содѣйствуетъ просвѣщенію старообрядцевъ, но всѣми мѣрами тормозитъ ему. Такое отношеніе старообрядцы встрѣчали въ Николаевское время; такое же отношеніе они встрѣчали и позже. Въ 1879 г. старообрядцы возобновили попытки, которыя уже предпринимались не разъ, получить разрѣшеніе на устройство школъ для дѣтей старообрядцевъ съ курсомъ обученія, приспособленнымъ къ потребностямъ торговаго сословія. Старообрядцы собрали и деньги для оборудованія хорошей школы. Но разрѣшенія на ея открытіе не послѣдовало.

Въ 1868 г. старообрядецъ Шибаевъ открылъ въ Москвѣ школу. Черезъ мѣсяцъ въ училищѣ было уже 80 учениковъ. Учились мальчики и дѣвочки. Учредитель школы на свой счетъ обставилъ школу и пригласилъ учителя. Уже на слѣдующій годъ полиція по распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ школу закрыла.

„Глубоко сознавая необходимость учения, мы просимъ развѣшить намъ завести свои собственные училища, гдѣ наши дѣти, укрѣпляясь въ вѣрѣ отцовъ своихъ, изучали бы, кромѣ того, и другія науки“. Такъ писали въ 181 г. старообрядцы гор. Хвалынска, Саратовской губ. Но и на этотъ разъ, голоса ихъ не были услышаны. По необходимости старообрядцы должны были прибѣгать къ устройству тайныхъ школъ. И различныя старообрядческія братства, отъ времени до времени собиравшіеся съѣзды всегда ставили одной изъ своихъ главныхъ заботъ—обучение грамотѣ населенія. И несмотря на всѣ препятствія—полиціи отдавались спеціальныя приказы слѣдить, чтобы старообрядцы самовольно не открывали школъ,--старообрядцы достигали большихъ результатовъ, по сравненію съ дѣятельностью правительства на почвѣ просвѣщенія народа. Безграмотность русскаго крестьянства всѣ знаютъ. Она поражаетъ и теперь, послѣ того какъ въ теченіе болѣе сорока лѣтъ всѣ главнѣйшія заботы земскихъ учреждений были направлены на развитіе грамотности. Легко себѣ представить, что было въ то время, когда не существовало земства! Между тѣмъ среди старообрядцевъ число грамотныхъ довольно значительно: уже въ пятидесятыхъ годахъ офиціальныя изслѣдователи быта старообрядцевъ отмѣчали, что у старообрядцевъ 1 грамотный приходится на 3 неграмотныхъ. Въ нѣкоторыхъ районахъ, заселенныхъ старообрядцами, грамотность составляла почти всеобщее достояніе. И грамотная часть старообрядцевъ часто передавала свое знаніе лишенной просвѣщенія другой части русскаго крестьянства, числящагося въ рядахъ господствующей церкви. Самобытныя народныя учителя, вышедшіе изъ старообрядчества, имѣли большое вліяніе на распространеніе въ населеніи грамотности. Въ этомъ отношеніи они принесли большую пользу Россіи. Но и за эти заслуги правительство ихъ лишь преслѣдовало.

Старообрядцамъ болѣе, чѣмъ кому-нибудь, нужна была грамотность. Лишенные правительственной поддержки, они должны были сами озабочиваться объ удовлетвореніи своихъ духовныхъ нуждъ. Не имѣя часто и священника, они сами въ какомъ-нибудь закоулкѣ въ Россіи должны были отпра-

влять необходимыя требы. Первоначальная хотя бы грамотность для этого была необходима.

Старообрядцы, лишеныя возможности печатать въ Россіи свои богослужебныя книги и сочиненія, должны были свои типографіи перенести за границу. Тамъ же издавались старообрядцами и спеціальныя газеты, посвященныя выясненію нуждъ старообрядческаго населенія. Оттуда иногда съ опасностью для жизни перевозили они богослужебныя книги и снабжали ими молельни, раскинутыя по всему пространству земли русской. Заводили они и подпольныя типографіи въ Россіи. Какъ строго ни преслѣдовало правительство вплоть до послѣдняго времени всѣ эти нарушенія закона, сколько ни посылалъ Синодъ своимъ подчиненнымъ іерархамъ приказы содѣйствовать полиціи въ отысканіи запрещенныхъ старообрядческихъ книгъ, какъ ни старательно производила полиція обыски—всего нельзя было уничтожить. Десятки типографій закрывались, сотня, если не тысяча, книгъ отбирались. Жизнь все-таки брала свое. Книги печатались, потому что онѣ были нужны. И всѣ правительственныя преслѣдованія не достигали въ концѣ концовъ цѣли.

VII. Наканунъ свободы.

Несмотря на всѣ неудачи, правительство не хотѣло сознаться въ бесполезности гоненій. Преслѣдованія продолжались вплоть до самаго послѣдняго времени, когда снова на горизонтѣ русской жизни взошла зоря свободы золотой. Какъ въ Крымскую, такъ и въ послѣднюю Японскую войну особенно ярко обнаружился вредъ, причиняемый виновничьимъ владычествомъ въ Россіи. Волненія, охватившія подъ вліяніемъ этого всю страну, волненія, продолжающіяся и въ наши дни, заставили правительство идти на уступки. Подъ вліяніемъ разгнанныхъ въ Россіи событий правительство дало обѣщаніе провести необходимыя преобразованія, которыя могли бы удовлетворить нужды народа. Указъ 17-го апрѣля объявилъ всему русскому народу, что съ этого дня въ Россіи уничто-

каются гонимы за вѣру, что съ этого дня каждый русскій гражданинъ свободенъ исповѣдывать ту христіанскую вѣру, которую онъ считаетъ истинной. Правительство заявило, что оно не будетъ преслѣдовать, какъ прежде, штрафами и тюремными заключеніями, несогласныхъ съ ученіемъ и правилами господствующей церкви, что оно предоставляетъ каждому вѣрить не за страхъ, а за совѣтъ, по собственному разумѣнію. Милліоны гонимыхъ и преслѣдуемыхъ послѣ долгихъ и тяжелыхъ испытаній въ теченіе многихъ-многихъ лѣтъ получили по указу возможность уже открыто, а не тайно исповѣдывать свое вѣроученіе. Получили эту возможность послѣ 250 лѣтъ безконечныхъ преслѣдованій и старообрядцы. Казалось, вотъ теперь и должна наступить золотая пора для старообрядцевъ. Но этого на дѣлѣ не послѣдовало.

Объщая устранивъ немедленно всѣ стѣсненія въ области вѣры, правительство въ сущности далеко не выполнило своего обѣщанія. Конечно, всякій знаетъ, какія большія облегченія наступили для тѣхъ, которыхъ прежде такъ усиленно гнали. Эти облегченія давало правительство, чувствуя свою слабость передъ могучимъ движеніемъ народа, единодушно подымавшагося за свои поправленныя права. Но борьба шла, какъ всегда, съ переменнымъ успѣхомъ. И въ то время, когда правительство вновь чувствовало себя окрѣпшимъ, оно стремилось взять обратно то, что давало въ минуты своей слабости. Наглядный примѣръ сказанному можемъ найти въ законахъ о свободѣ вѣры.

Для того, чтобы провозглашенная вѣротерпимость не осталась на одной лишь бумагѣ, какъ это много разъ прежде бывало съ различными законами и, между прочимъ, съ закономъ 3 мая 1883 г. о старообрядцахъ, надо было пересмотрѣть всѣ старые законы и согласовать ихъ съ новымъ указомъ. Этимъ пересмотромъ старыхъ законовъ и занялись тѣ самые чиновники, которые прежде установили законы, нарушающіе свободу вѣры. Пока же чиновники исполнили свою работу, правительство понемногу, незаметно вводило ограниченія въ объявленную свободу вѣры. Прошелъ лишь мѣсяць съ объявленія вѣротерпимости, какъ министерствомъ

внутреннихъ дѣлъ было отдано распоряженіе губернаторамъ, поясняющее, какъ должны они осуществлять данную свободу вѣры. Вотъ что говорилось въ этомъ предписаніи: „если по вѣренной вашему превосходительству губерніи были заданы какія-либо правила, ограничивающія старообрядцевъ и сектантовъ въ правахъ на государственную службу и общественную, то въ точное исполненіе... Высочайшихъ повелѣній правила эти должны прекратить свое дѣйствіе, если только вы, милостивый государь, въ виду соображеній особенной важности, не признаете необходимымъ сохранить ихъ въ силѣ и на будущее время“. Далѣе, тотъ же циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ разъяснялъ, что свободное отправленіе общественныхъ богомоленій допускается лишь въ томъ случаѣ, если они не заключаютъ въ себѣ нарушенія дѣйствующихъ и понинѣ постановленій, опредѣляющихъ недозволенное *публичное* оказаніе раскола“. Такимъ образомъ осуществленіе манифеста 17-го апрѣля на мѣстахъ было предоставлено всецѣло на усмотрѣніе власти. Хотѣла эта власть—она давала населенію свободу вѣры; не хотѣла—могла и не давать. Придирки для сохраненія на мѣстахъ различныхъ стѣснительныхъ мѣръ найти было не трудно. При всякомъ удобномъ случаѣ ничего не стоило воспользоваться запрещеніемъ „публичнаго оказанія“ вѣры. Вспомнимъ, что въ 80-хъ годахъ администрація относилась къ публичному оказанію, и тогда оно будетъ, какъ легко было пошарить на каждомъ шагу самымъ грубымъ образомъ свободу вѣры...

Итакъ, черезъ мѣсяць уже указъ 17-го апрѣля былъ ограниченъ; протекло еще немного времени, и появилось новое ограниченіе, снова въ видѣ распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ. Указъ 17-го апрѣля предоставлялъ во всемъ гражданамъ мѣнять по своему убѣжденію вѣру, членъ господствующей церкви получалъ право перейти въ любое христіанское вѣроисповѣданіе. Вотъ по этому поводу и были изданы министерствомъ временныя правила, въ которыхъ говорилось, что члены господствующей церкви, желающіе переимѣнить вѣру, должны предварительно подать объ этомъ заявленіе мѣстному губернатору; на губернатора же возла-

галась обязанность выяснить предварительно через духовное начальство, какими причинами вызывается предполагаемый переход, и приняты ли мѣры увѣщанія по отношению къ отпадающему. И только въ случаѣ безуспѣшности такого увѣщанія, заявленію дается дальнѣйшій ходъ. Такимъ образомъ и здѣсь свободный выходъ изъ господствующей церкви былъ поставленъ всецѣло въ зависимость отъ усмотрѣнія мѣстныхъ властей. Свобода вѣры съ разрѣшенія губернатора не есть, конечно, свобода вѣры. Вскорѣ за этими распоряженіями послѣдовало еще одно: министръ разъяснилъ, что всякая попытка совратить члена господствующей церкви подлежитъ по-старому уголовному наказанію.

Таковы были временныя распоряженія министерства. Быть можетъ, временныя распоряженія не могутъ итти въ счетъ. Но и постоянныя распоряженія, т.-е. законы, издаваемые уже послѣ указа о свободѣ вѣры, носили тотъ же характеръ, что и временныя распоряженія министерства. Правительственные чиновники, приступившіе къ переработкѣ законовъ, должны были, конечно, все пересмотрѣть заново. Наши законы въ области вѣры писались въ тѣ времена, когда въ Россіи царилъ религиозная нетерпимость, когда процвѣтали гоненія за вѣру. Поэтому и самые законы отличались такой же нетерпимостью. Конечно, съ провозглашеніемъ свободы вѣры ихъ слѣдовало въ корень измѣнить. Но этого правительственные чиновники не сдѣлали. Все осталось по-старому. Напримѣръ, законъ 14 марта 1906 г. въ полной силѣ сохранилъ распоряженіе министерства о преслѣдованіи за совращеніе. По этому закону виновный въ попыткѣ совратить члена господствующей церкви, хотя бы эта попытка выразилась лишь въ передачѣ сочиненія или произнесеніи публичной рѣчи, подвергается заключенію въ крѣпость на одинъ годъ. вмѣсто свободы вѣры, при такихъ условіяхъ получается нѣчто несообразное.

Вслѣдствіе ограниченій, изданныхъ послѣ объявленія указа 17-го апрѣля, свобода вѣры въ дѣйствительности не осуществлялась у насъ. Въ цѣломъ рядѣ мѣстъ продолжали существовать притѣсненія. Это и слѣдовало ожидать, разъ осуществленіе свободы вѣры было предоставлено, какъ мы

уже видли, на усмотрѣніе администраціи. Само правительство должно было въ концѣ-концовъ признать, что старообрядцы не могли воспользоваться дарованными правами. По признавію самого правительства старообрядцы встрѣчались на дѣлѣ постоянныя затрудненія и препятствія со стороны мѣстныхъ властей. Причиной этихъ препятствій правительство считало отсутствіе точнаго закона. И вотъ, 17 октября 1906 г., чтобы устранить эту причину, былъ изданъ новый законъ о старообрядческихъ общинахъ. Его издали послѣ роспуска первой государственной Думы, почти наканунѣ выборовъ народныхъ представителей во вторую Думу, очевидно, съ цѣлью привлечь на свою сторону старообрядцевъ, показавъ имъ, что правительство печется объ ихъ нуждахъ, что эти нужды дороги и близки правительству. И на первый взглядъ новый законъ, дѣйствительно, многое далъ старообрядцамъ.

Отнынѣ старообрядцамъ предоставлялось право учредить свои религиозныя общины, открывать храмы и молитвенные дома. Вошедшіе въ составъ общины выбираютъ себѣ руководителей, которые и управляютъ дѣлами. Духовные наставники общины сами ведутъ метрическія книги, т.-е. книги съ записями о рожденіи, бракѣ и смерти; эти наставники признаются духовными лицами, которые пользуются всѣми правами, предоставляемыми у насъ этимъ лицамъ; старообрядческіе священнослужители имѣютъ право носить присвоенное имъ одѣяніе и т. д.

Какъ видно изъ этого, законъ 17-го октября вносилъ большое новшество въ многогрядальную прежде жизнь старообрядцевъ. Но это казалось лишь въ первый взглядъ. Въ этомъ законѣ сохраниено было главное зло, причинявшее столько горя старообрядцамъ. Администраціи, по-старому, предоставлено было слишкомъ много власти надъ учреждаемыми общинами.

Цѣлой густой сѣтью разныхъ мелочныхъ требованій была опутана дѣятельность религиозныхъ общинъ; чуть ли не каждая статья новаго закона открывала широкое поле для постоянныхъ и самыхъ разнообразныхъ придирокъ со стороны мѣстныхъ властей. Трудно, конечно, при такихъ

условиях было думать, что съ изданием новаго закона для старообрядцев наступитъ золотая пора. Для этого требовалось намѣненіе въ корень всѣхъ нашихъ порядковъ. То, что прежде дѣлалось безъ закона, стало дѣлаться теперь на основаніи закона. Религіозная свобода допускалась настолько, насколько это было угодно мѣстной администраціи. Главное это старой русской жизни—произволъ администраціи не было устранено. И пока администраціи предоставлено было право вмѣшиваться въ религіозную жизнь русскихъ гражданъ—никакой свободы вѣры въ Россіи быть не могло.

Но не все дѣло въ злоупотребленіяхъ администраціи, которая часто сдѣло исполняла лишь то, что ей повелѣвали выше. И законъ долженъ обезпечивать гражданамъ дѣйствительную и полную свободу вѣры. Есть народная поговорка: „Законы святы, да исполнители—лихіе супостаты“. Но о святости нашихъ законовъ говорить было трудно до революціи. Новый демократическій строй Россіи долженъ теперь обезпечить каждому дѣйствительно полную неприкосновенность религіозныхъ убѣжденій.

VIII. Церковь и государство.

Что же надо сдѣлать? Разсказанное нами какъ бы само даетъ отвѣтъ. За что гнали старообрядцевъ въ теченіе 250 лѣтъ? Ихъ гнали за то, что они не хотѣли подчиниться государственной церкви и свято хранили свои убѣжденія. Непризнаніе государственной церкви, по мнѣнію правительства, было равносильно непризнанію самаго правительства. Люди, которые отстаивали лишь право вѣрить по собственному разумѣнію, были признаны государственными преступниками. Иначе и не могло быть: наше правительство всегда считало, что церковь и государство тѣсно связаны между собой. Правительство полагало, что ущербъ, наносимый церкви, объявленной государственной, господствующей отзывается и на положеніи власти. „Православіе“ и государственіе неразрывны. Такъ думало правительство т.-е. вся чиновничья, не народная Русь. Государство и церковь за-

ключили между собой какъ бы союзъ для взаимной поддержки. Церковь одобряла все, что дѣлало правительство; послѣднее поддерживало всѣми средствами неприкосновенность и могущество господствующей церкви. Но этотъ союзъ неизбежно долженъ былъ привести къ печальнымъ результатамъ для господствующей церкви.

Государство, имѣющее въ своемъ распоряженіи силу, должно было совсѣмъ подчинить себѣ церковь. Это и случилось на дѣлѣ. Русскій императоръ былъ объявленъ главою церкви. Господствующая церковь сдѣлалась въ концѣ концовъ лишь слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ правительства. Церковь какъ бы поступила на службу къ правительству, она надѣла, по выраженію одного русскаго писателя, чиновничій мундиръ. Такое полное подчиненіе государству означеновалось учрежденіемъ императоромъ Петромъ I Правительствующаго Синода, во главѣ котораго былъ поставленъ оберъ-прокуроръ—„добрый человѣкъ изъ офицеровъ“. Этотъ чиновникъ и сдѣлался вершителемъ судебъ господствующей церкви. Въ канцеляріи синодскаго оберъ-прокурора и министерства внутреннихъ дѣлъ отнынѣ разрѣшались дѣла, касавшіяся совѣсти русскихъ священителей. Церковь превратилась въ одно изъ вѣдомствъ чиновничьяго управленія. Въ этомъ вѣдомствѣ были не церковные служители, а чиновники, за свое усердіе жалующие, начиная со времени императора Павла, орденами. Такое положеніе господствующей церкви прежде всего роковымъ образомъ отозвалось на самой церкви. Каждая церковь, всякое вѣроученіе сильно только своимъ нравственнымъ вліяніемъ. Господствующей церкви нечего было заботиться о своемъ преуспѣваніи, эти заботы взяло на себя правительство, охранявшее своими средствами неприкосновенность церкви. Тамъ гдѣ бѣги жизни, наступаетъ смерть. И господствующая церковь замерла въ своемъ развитіи. Какъ въ огромной канцеляріи всѣ дѣла въ ней рѣшались по опредѣленному, разъ навсегда установленному порядку.

Подчинившись всецѣло свѣтской власти, она сдѣлалась ей главной опорой,—опорой реакціи, защитницей безправія и насилія въ русской жизни.

Правительство, опирающееся исключительно на полицейскую власть, только полицейскими мѣрами могло охранять неприкосновенность господствующей церкви. Оно насильно задерживало членовъ господствующей церкви въ той вѣрѣ, которую они приняли съ дѣтства; вѣрнѣе сказать, каждый членъ господствующей церкви навсегда со всѣмъ своимъ потомствомъ долженъ оставаться въ этой церкви. Преслѣдуя отступленіе, правительство въ вопросахъ вѣры установило своего рода крѣпостную зависимость. Только господствующей церкви было предоставлено право проповѣдывать свое ученіе. Попытка проповѣдывать другое ученіе влекла за собой строгое уголовное наказаніе—тюрьму или ссылку. Всѣхъ несогласныхъ съ господствующей церковью правительство преслѣдовало, не дозволяя имъ не только проповѣдь, но и отправленіе богослуженія. Такими средствами,—средствами насилія и закрѣпощенія, обеспечивалось видимое господство государственной церкви и казеннаго вѣроисповѣданія.

Вотъ этого главенства государственной церкви старообрядцы не хотѣли признавать. Не желали они признавать и Правительствующаго Синода, т. е. права за чиновничьимъ учрежденіемъ вѣдать дѣлами совѣсти русскихъ гражданъ. Старообрядцы всегда заявляли себя сторонниками полной свободы совѣсти и врагами того союза церкви и государства, который былъ установленъ въ Россіи. Церковь и государство, по ихъ мнѣнію, должны быть раздѣльны, потому что церковь и государство вѣдаютъ различныя области. Еще въ первые годы жизни старообрядчества, когда патриархъ Никонъ хотѣлъ церковь поставить выше государства, подчинить послѣднее церкви, Аввакумъ писалъ противъ него и доказывалъ, что отношенія церкви къ государству должны быть установлены по евангельскому завѣту, „Воздадите кесаря кесареву, а божія Богови“. Аввакумъ не считалъ возможнымъ, чтобы церковь вмѣшивалась въ свѣтскія дѣла—въ ея вѣдѣніи находится лишь духовная жизнь гражданъ; но когда государство стало вмѣшиваться въ дѣла церкви, Аввакумъ также возсталъ противъ этого: „Въ коихъ правилахъ писано,—спрашиваетъ онъ въ послѣ-

ніи къ царю Алексѣю Михайловичу,—царю церковью владѣть и догматы измѣнять, Святая кадишь?“ Итакъ, Аввакумъ требовалъ, чтобы церковь и государство были раздѣльны. Обсуждая гоненія, которыя воздвигла свѣтская власть на старообрядцевъ, Аввакумъ въ своемъ знаменитомъ житіи писалъ: „Чудо! какъ-то въ познаніе не хотятъ прійти! Опнемъ да кнутаомъ, да висилцей хотятъ вѣру утвердить! Которые-то апостолы научили такъ? не знаю. Мой Христосъ не приказалъ нашимъ апостоламъ такъ учить, еже бы опнемъ да кнутаомъ, да висилцей въ вѣру приводить!“...

Точно такимъ же образомъ относилъ къ вопросу объ отдѣленіи церкви отъ государства и о свободѣ совѣсти старообрядцы и впоследствии. Когда Петръ I заявилъ, что онъ хочетъ быть „единственнымъ начальникомъ“ русской церкви: „Богу изволившу направить мнѣ гражданство и духовенство, я имъ обою—государь и патриархъ“, старообрядцы съ этимъ не соглашались. Въ одной старинной старообрядческой рукописи XVIII столѣтія мы находимъ такое рѣзкое сужденіе по поводу стремленій Петра: „Егда исполнися 1666 лѣтъ, въ то лѣто царь Алексѣй Михайловичъ съ Никономъ отступи отъ св. православной вѣры, а послѣ его въ третьихъ воспарствова на престолѣ вся Русія сынъ его Петръ, и нача превозноситься паче всѣхъ глаголемыхъ боговъ, сирѣчь помазанниковъ, и нача величаться и славиться передъ всѣми, гоня и муча православныхъ христіанъ и распространяя свою новую вѣру, и... уничтожи патриаршество, дабы ему одному властвовать, не имѣя равнаго себѣ, дабы кромѣ его никакихъ дѣлъ не творили, но имѣли бы его единого превисочайшею главою, судіею всей церкви, пріялъ на себя титулъ патриаршескую и именовался отецъ отечества и глава церкви Россійскія и бысть самовластель, не имѣя никого себѣ въ равенствѣ, восхитивъ на себя не тоцію царскую, но и патриаршую власть, и нача себя величати и славити... Понеже Петръ нача гонити и лютити и искореняти въ Русіи православную вѣру, свои новыя умыслы уставляя, нова законоположенія полагая... и самъ бысть надъ ними главою и судіею главнѣйшимъ. Тако нача той глаголемый богъ паче мѣры возвышати, зрите

человѣцы и воньмите и рассмотрите по святому писанію, въ книхъ лѣтѣхъ жительствуемъ и кто нынѣ обладаетъ вами: ибо духъ Петровъ царствуетъ во вѣкъ до скончанія вѣка... ибо духъ государей русскихъ есть духъ Петра Великаго. Петръ Великій, восхваляя на себя славу сына пресвятѣйшаго, именовался Петръ Первый, именовался божествомъ Русіи, якоже свидѣтельствууетъ книжка: „кабцетъ Петра“: онъ богъ твой, онъ богъ твой, о Россіи! Намъ же православному христіанамъ подобаетъ всеусердно держатися отеческаго наказанія. Подобаетъ намъ жизнь препровождати въ безмолвіи и въ пустыняхъ, яко Господь черезъ Іеремію пророка заповѣдалъ: *Издите, изьдите, люди моя, изъ Вавилона*“...

Приведенный отрывокъ изъ старинной рукописи наглядно показываетъ, какъ относились старообрядцы къ подчиненію церкви государствомъ. Въ одной позднѣйшей старообрядческой рукописи, озаглавленной: „Зеркало для духовнаго внутренняго человѣка“, еще болѣе опредѣленно говорится о вредѣ вмѣшательства государства въ дѣла, касающіяся лишь совѣсти человѣка. Вотъ что говорится въ ней: Господь нашъ Ісусъ Христосъ сказалъ: „одинъ рабъ думать господамъ работать не можетъ“, но Онъ же говоритъ: возложите убо кесаря кесареву, а божія Богови“; поэтому царю слѣдуетъ только подати и оброки собирать; ему въ духовныя дѣла вмѣшиваться не слѣдуетъ. Духовное духовными разсуждается; какая же нужда царю за вѣры сажать въ крѣпости? Пускай всякая вѣра сама собою окажетъ плодъ евангельской добродѣтели; нѣтъ надобности мученіемъ приводить въ вѣру по подобію языческому. Какъ архіереямъ неприлично входить въ распоряженіе войскамъ, такъ и государю не слѣдуетъ касаться до вѣры“...

Можно было бы привести еще не мало такихъ примѣровъ изъ старинныхъ рукописей. Взгляды старообрядцевъ въ огромномъ большинствѣ до послѣдняго времени не измѣнились. И вотъ, за то, что они отрицали государственную церковь, ихъ, главнымъ образомъ и преслѣдовали на протяжении истекшихъ 200 лѣтъ. Еще въ 1682 году, когда выборные отъ стрѣльцовъ явились къ патриарху и задали вопросъ, за что правительство преслѣдуетъ ревнителей ста-

рой вѣры, они получили въ отвѣтъ: „Мы за крестъ и молитву не жжемъ и не пытаемъ, жжемъ за то, что не повинуются церкви“. Петръ Великій относительно „раскольниковъ“ положилъ: „подлежать такой казни, какъ противники власти“. Тѣ, которые держались старообрядца, были приравнены къ политическимъ преступникамъ: они оказывали „противное царскаго пресвѣтлѣяго Величества именному указу“. Но какъ разъ старообрядцы полагали, что правительство не имѣетъ права вмѣшиваться въ духовныя дѣла.

Эта точка зрѣнія опредѣленно была высказана старообрядцами въ 1907 г. „Изъ признанія принципа свободы совѣсти—писала старообрядческая газета „Слово правды“ (№23)—съ логической неизбежностью вытекаетъ отдѣленіе церкви отъ государства. Это значитъ созданіе такого положенія, чтобы государство освободилось отъ опеки духовенствъ и чтобы церковь сбросила съ себя тяжелую лану государства, освободилась изъ „плѣна Вавилонскаго“. Наша церковь собственно никогда не была связана съ государствомъ, а тѣмъ болѣе въ подчиненіи у него. Мы 250 лѣтъ боролись за свободную церковь“. То же утверждала и докладная записка старообрядцевъ, поданная въ Третью Государственную Думу: „При разрѣшеніи вопроса о свободѣ совѣсти возникаетъ вопросъ и объ отношеніи церкви къ государству и о взаимоотношеніи церквей. Старообрядческая церковь находясь въ постоянномъ преслѣдованіи правительствомъ, будучи предоставлена только своимъ собственнымъ духовнымъ силамъ, лишь самой себѣ въ силу этихъ историческихъ условій являлась въ своей внутренней жизни совершенно свободной и независимой отъ вліянія и опеки государственной власти... Отношенія старообрядчества, какъ ея вѣрующаго, къ государству могутъ быть только чисто внѣшними юридическими. Область Божія и область кесарева не должны быть смѣшиваемы. Старообрядческой церкви, находящейся все время подъ давленіемъ церкви господствующей, опирающейся на всю мощь государственной власти естественно такъ же желать, чтобы всѣ церкви пользовались равнымъ правомъ и ни одна изъ нихъ не имѣла бы преимуществъ. Въ противномъ случаѣ всегда можетъ суще-

етвовать опасеніе за вліяніе привилегированной церкви на государственную власть въ желаніи поработенія другой церкви, что никакъ не совмѣстимо съ понятіемъ о свободѣ совѣсти...

Такъ смотрятъ на дѣло всѣ, кто дѣйствительно является сторонникомъ свободы совѣсти. Такъ установлено во всѣхъ культурныхъ государствахъ. Вѣра есть частное дѣло, и государство не можетъ указывать гражданину, какъ онъ долженъ вѣрить. Каждый воленъ исповѣдывать и проповѣдывать любую религію; въ государствѣ не могутъ быть допущены никакія преслѣдованія за исповѣдуемые убѣжденія, за перемѣну или отказъ отъ вѣроученія. Это дѣло совѣсти человѣка. Вѣрующіе свободно могутъ составлять общества, отправлять богослуженіе и заботиться о распространеніи своей вѣры, о ея процвѣтаніи и успѣхѣ. Заботы же государства заключаются лишь въ охранѣ религіозной свободы гражданъ, т. е. государство обязано преслѣдовать всякое насиліе, учиняемое кѣмъ бы то ни было надъ совѣстью и религіозными убѣжденіями человѣка. И только тогда, когда дѣйствительно будетъ уничтожена государственная опека надъ церковью, т. е. надъ религіозными убѣжденіями гражданъ,—осуществится въ Россіи свобода вѣроисповѣданій.

Только въ полномъ *отдѣленіи церкви отъ государства* гарантія неприкосновенности религіозныхъ мнѣній гражданъ. И этого отдѣленія должны добиваться старообрядцы.